

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. Д. Аленчикова

**ПЕРМСКИЙ ГРАЖДАНИН
Н. В. МЕШКОВ**

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2016

УДК 94 (47): 98
ББК 63.3 + 28.89
А 48

Аленчикова Н. Д.

А 48 Пермский гражданин Н. В. Мешков: монография /
Н. Д. Аленчикова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. –
Пермь, 2016. – 79 с.: ил.

ISBN 978-5-7944-2770-7

Монография известного историка-краеведа и архивиста Н. Д. Аленчиковой посвящена жизни и деятельности Н. В. Мешкова, промышленника, пароходчика, видного общественного деятеля и мецената, сыгравшего решающую роль в открытии в Перми университета, ставшего первым на Урале.

Адресована широкому кругу читателей.

УДК 94 (47): 98
ББК 63.3 + 28.89

Печатается по решению комиссии по издательской деятельности к 100-летию Пермского государственного национального исследовательского университета по заказу Министерства образования и науки Пермского края

ISBN 978-5-7944-2770-7

© Аленчикова Н. Д., 2016
© ПГНИУ, 2016

Предисловие

Николай Васильевич Мешков наконец-то занял достойное место в череде замечательных деятелей нашего края и стал одним из номинантов проекта «Пермь Великая», прошедшего на нашем телевидении в 2009 г. Мало того, высокой оценки его имя удостоилось и на страницах центральных изданий как «одно из славных имен России»¹. Так велик был его вклад в развитие отечественной экономики. Это был государственно мыслящий человек, думающий о путях развития и процветании России. Делом своей жизни он считал совершенствование путей сообщения России, которые сравнивал с системой кровообращения, необходимой для обеспечения роста экономики страны. Свою деятельность паромщика он теснейшим образом связывал с организацией железнодорожного строительства, считая, что одно направление своим развитием подталкивает другое. Так, в конце 70-х гг. XIX в. развитию паромства Мешкова немало способствовало строительство Уральской горнозаводской дороги от Перми до Екатеринбургa, необходимые материалы и оборудование для которой доставлялись водным путем. По мере развития своего дела – водной транспортировки грузов – Н. В. Мешков стремился продвинуть и железнодорожное строительство в Приуральском крае. Он планировал провести железную дорогу от Оренбурга вдоль западного Приуралья в Печорский край. В рамках этого проекта в 1914 г. он учредил «Акционерное общество Оренбург-Уфимской железной дороги». В процессе налаживания строительства железной дороги он

¹ Лачева М.Ю. Достойный сын России // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 2.

собирался организовывать и субсидировать специальные экспедиции для изучения и планирования водных и подъездных путей в Печерском и Припечорском бассейнах. К 1917 г. состояние Н. В. Мешкова оценивалось не менее чем в 60 млн руб. Крупнейший пароходовладелец, он был хозяином железных дорог, складов, пристаней, мастерских, большого участка Нижегородской ярмарки с гостиницей, заводов и издательств. Трудно перечислить все дела и начинания Н. В. Мешкова, значимые для развития экономики, просвещения и культуры не только нашего края, но и всей России. Революция и гражданская война помешали осуществлению многих его проектов.

В нашем же сознании имя Н. В. Мешкова в первую очередь неразрывно связано с его общественной деятельностью и открытием в Перми классического университета – первого на Урале высшего учебного заведения. Поэтому автор настоящего издания концентрирует внимание читателя на малоизвестных подробностях жизни, дел и начинаний Николая Васильевича Мешкова, которые оставили глубокий след в жизни города Перми.

Автор благодарит Пермский краеведческий музей и Государственный архив Пермского края за помощь в работе над этой книгой.

Семья

Николай Васильевич Мешков родился 30 мая (11 июня) 1851 г. в маленьком городке Вёсьегонске Тверской губернии, стоящем на живописном берегу реки Мологи, впадающей в Волгу. Отец его, Василий Николаевич, служил торговым агентом в одной из петроградских компаний, занимавшихся водными перевозками в бассейне Волги. По семейной легенде, у Василия Мешкова была примесь цыганской крови: чернокудрый, черноглазый, озорной, он был большим любителем дальних командировок, неделями и месяцами не бывал дома, а однажды пропал на целых два года. Врожденная любознательность, стремление к перемене мест, жажда новых жизненных наблюдений и впечатлений вполне удовлетворялись его служебными обязанностями. Каждый раз, возвращаясь домой, он не только одаривал родных подарками, но и увлекал детей рассказами о своих странствиях.

Как видно, Елена Ивановна, мать Николая Васильевича, вышла замуж по большой любви и прощала мужу его частые и долгие отлучки. Во время его отсутствия бремя семейных забот и хлопот ложилось на ее плечи. Это закалило ее характер, сделало практически главой семьи.

В 1855 г. у Николая появилась сестричка Надежда, а еще через девять лет – Таисия. Николай, старший из троих детей, видел, как нелегко было матери достойно содержать дом, но ее стараниями он всегда блистал чистотой и вкусно пах свежее испеченным хлебом. Дочь священника, воспитанная в строгих православных канонах, Елена Ивановна сызмала прививала детям культ семьи и следование Христовым заповедям. Умная, добрая, требовательная и справед-

ливая, она растила детей в любви друг к другу, была им добрым и мудрым наставником. Здесь источник того безграничного уважения и любви к матери, которое Николай пронес через всю жизнь.

Николай нежно любил своих сестер, оберегал и опекал их до конца своих дней. Старшая – Надежда – не без помощи Николая окончила гимназию в Казани и в 1879 г., когда семья уже обосновалась в Перми, вышла замуж за Николая Дмитриевича Батюшкова, троюродного племянника известного поэта Константина Батюшкова. Приехавший по делам из Самары в Пермь Николай Дмитриевич снял комнату в доме, где проживала семья Мешковых и без памяти влюбился в Надежду. Чувство оказалось взаимным. Молодые люди получили благословение Николая Васильевича и Елены Ивановны и обвенчались. Молодая семья уехала в Самару, но связь с братом осталась прочной (впоследствии Н.Д. Батюшков стал официальным представителем компании Мешкова в Самаре). Плодом этого брака и этой любви явилось десять детей – пять мальчиков и столько же девочек. Летом весь этот выводок отправлялся в Пермь – к дяде Коле, под опеку тети Тази (Таисии Васильевны)¹.

Младшая – Таисия – не была хороша собой, но была богато одарена лучшими человеческими качествами. До 39 лет не расставалась с братом, была поддержкой и опорой во всех его начинаниях, жила в его семье, вела его дом и активно участвовала в воспитании детей – Елены, названной в честь Елены Ивановны, и Таисии, названной в ее честь. Мешковы находились в дружеских отношениях с многодетным семейством Фотиевых. С главой семьи, Александром Афанасьевичем Фотиевым, управляющим акцизными сборами Пермской губернии, у Николая Васильевича были и деловые связи. Именно в доме Фотиевых Таи-

¹ Письма и воспоминания И. В. Батюшковой // Личный архив автора.

сия Васильевна познакомилась со своим будущим мужем – Иваном Васильевичем Розановым, недавно овдовевшим отцом пятерых детей, старшему из которых ко времени сватовства Ивана Васильевича исполнилось 14 лет. Брак оказался счастливым. Всех детей Таисия Васильевна вырастила и вывела в люди¹.

Удивительно прочными были родственные связи Мешковых. Цементирующей основой их была глава семейного клана – мать – Елена Ивановна, с которой после безвременной смерти отца Николай Васильевич всегда делился своими планами и у которой всегда находил поддержку и понимание.

¹ Письма и воспоминания И. В. Батюшковой.

Вступление в жизнь. Становление личности

Финансовые обстоятельства не позволили юному Мешкову продолжить учебу после окончания уездного начального училища. Да и отец не считал продолжение образования обязательным для сына: умеет писать и считать – для дела это основное. Остальное – баловство. Когда Николаю исполнилось 15 лет, отец взял его в первую деловую поездку, приобщая к своим проблемам, знакомя с особенностями работы, помогая вникать в суть проводимых операций. Закончилось детство, началась трудовая жизнь. В 1866 г. они с отцом обосновались в селе Новодевичьем Симбирской губернии, работая по заданию фирмы, в которой тогда служил отец. Через год Николай перевез сюда мать и сестер, семья воссоединилась. Николай все схватывал на лету: быстро научился ведению счетоводства и кассы и вскоре стал заменять отца во время его отлучек. Окружающий мир для него был огромным непознанным пространством, каждое явление которого привлекало его внимание. В первую очередь его интересовали все подробности той отрасли, в которой он начал работать. Ответы отца не всегда удовлетворяли его любознательность, и он начал искать их в специальной литературе. В процессе знакомства с ней возникали новые вопросы, встречались незнакомые понятия и термины, которые требовали объяснения. Пришло время обращаться к толковым словарям, а через них потянулись ниточки к литературе различных отраслей знания. Начался процесс самообразования нашего героя, который не прекращался в течение всей его жизни.

Вступая во взрослую жизнь и вглядываясь в окружающую действительность, он постигал простую истину: деньги не только обеспечивают удовлетворение насущных потребностей человека, но от их количества зависит возможность быть свободным – и от чужой власти, и от чужой воли. Наблюдая, каких усилий стоит матери сводить концы с концами и прилично одевать себя и девочек, он в душе поклялся, что сделает все возможное, чтобы добиться успеха в этом суровом и безжалостном мире. Ради матери и сестер. И еще глубже уверился, что для достижения жизненного успеха нужно очень много знать, нужно идти в ногу с прогрессом и стараться использовать это на пользу дела, которым занимаешься.

В 1870 г. семью постигло горе: Василий Николаевич простудился, спасая глубокой осенью тонущего в Волге человека, и вскоре умер. Забота о семье всецело легла на плечи 19-летнего Николая.

В поисках достойного заработка он уехал в Казань, где поступил на службу в частную контору купца И. Н. Соболева, владельца буксирных пароходов, доходных домов в ряде волжских городов и большой лесной дачи в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Некоторое время Николай Мешков работал непосредственно в главной конторе Соболева. Ответственность за порученное дело, инициативность и добросовестность молодого человека были по достоинству оценены. Вскоре его назначили «полным доверенным» по управлению лесной дачей и лесозаготовками. В этой должности он проработал два года и упрочил свою деловую репутацию. Природный ум, необыкновенная энергия, редкий организаторский талант, безукоризненная честность и обязательность способствовали успешному продвижению молодого человека по службе. Последовало более крупное поручение: в марте 1874 г. Соболев назначил его на водные

перевозки грузов своих и родственных фирм. Появились новые знакомства, новые деловые связи, а с ними и новые мысли о мерах, необходимых для более эффективной транспортировки грузов. Это назначение стало важным рубежом в жизни Н. В. Мешкова, на всю жизнь связав его с проблемами развития транспортных перевозок.

В январе 1875 г. он перешел на службу в крупную пароходную фирму «Товарищество Волжско-Камского пароходства» и уже в июле следующего года появился в Перми в качестве «полного доверенного лица» этой фирмы. Доверие обязывало ко многому. Нужно было обследовать все порученные ему пароходы от трюма до капитанского мостика, изучить фарватер реки, условия швартовки на всех пристанях и постоянно следить за состоянием местных рынков в поисках выгодных заказов на грузоперевозки. В ведении молодого Мешкова находилось 6 пароходов и 28 больших барж¹. Внушительное хозяйство.

Появлению Мешкова в Перми предшествовала романтическая история, которая привела к его скоропалительной женитьбе. Будучи в Казани, 25-летний Николай Васильевич пылко влюбился в генеральскую дочь Веру Никаноровну Болгарскую и был осчастливлен взаимным чувством юной девы. Остается тайной, как молодой клерк познакомился с семьей генерала Никанора Алексеевича Болгарского и даже был принят в его доме. Однако предпринятая Мешковым попытка сватовства была с возмущением отвергнута родителями девицы. По семейному преданию, они с облегчением вздохнули, узнав о новом назначении незадачливого жениха. Каково же было их потрясение, когда, совершая моцион по волжской набережной в день отъезда Мешкова в Пермь, они увидели свою дочь на палубе парохода. Молодые люди

¹ Рабинович Р. И. Опальный миллионер. Пермь, 1990. С. 34–38.

радостно махали им с кормы уходящего судна. Венчание состоялось немедленно по прибытии в Пермь, но еще долгие годы родители Веры Никаноровны не могли смириться с этим неравным (с их точки зрения) браком.

Пермь понравилась молодым. Она уже почти отстроилась после губительных пожаров 1842 и 1859 г., уничтоживших практически всю деревянную часть города. Новые дома были уже каменными или наполовину каменными, выглядели нарядными и привлекательными. Молодые поселились в небольшом деревянном доме на углу Большой Ямской (ул. Пушкина) и Оханской (ул. Газеты «Звезда»)¹. Вскоре Николай Васильевич выписал из Самары Елену Ивановну и сестер. В этом доме старшая из сестер Надежда и познакомилась со своим будущим мужем.

Город благоустраивался. Центральные улицы по вечерам освещались керосиновыми фонарями. В связи с проведением Уральской горнозаводской железной дороги, которая соединила Пермь с Екатеринбургом, изменился и внешний вид набережной Камы, с которой были удалены все частные дома. Вместо них в течение 1876–1878 гг. были построены красивые и просторные здания вокзала Перми I и управления Уральской железной дороги. Здесь же были железнодорожные мастерские. На грязных до того времени улицах стали появляться мостовые². Город рос и развивался. Вероятно, уже тогда Николай Васильевич облюбовал место для строительства своего будущего особняка, рассматривая развалины дома Яковлевых на высоком берегу Камы, сгоревшего в пожаре 1842 г. Место – чудесное! И такой великолепный вид на полноводную кормилицу-реку и зеленый разлив лесов на другом берегу!

¹ *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. Дома, улицы, люди. Пермь, 2003. С. 278.

² *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 17–18.

А пока он присматривался к людям, к руководству города. Особенный интерес у него вызывали коллеги и конкуренты фирмы, интересы которой он представлял.

В то время городским головой Перми был Иван Иванович Любимов, крупный предприниматель, унаследовавший от отца 4 парохода и больше 30 товарных барж, продолживший и расширивший оставленное отцом дело перевозки грузов по Каме. Обладая предприимчивостью и широтой взглядов в промышленных делах, Иван Иванович, помимо развития своего пароходства и судоходства на Каме, занялся устройством близ Перми своего механического завода. Завод ремонтировал старые и строил новые речные пароходы. С 1877 г., благодаря деятельности завода, у Любимова появились, кроме прежних буксирных, пассажирские пароходы американского типа, по удобству не имевшие себе равных на Каме¹. И это помимо солеварения и строительства содового завода в Березниках. Н. В. Мешков восхищался деятельностью Любимова. Было с кого брать пример.

Но особенно сблизился Н. В. Мешков с гласным Пермской думы – предпринимателем П. П. Калининым, человеком большого ума, сердца и жизненного опыта. Николай Васильевич считал его своим первым учителем и наставником. Помимо обсуждения деловых вопросов, они часто беседовали о состоянии народного образования в губернии и необходимости решения затянувшегося вопроса о создании высшего учебного заведения в Перми. Умирая в 1905 г., П. П. Калинин завещал все свое состояние в пользу будущего университета в Перми и сделал своим душеприказчиком Николая Васильевича Мешкова².

¹ Пермские градоначальники. Пермь, 2008. С. 63.

² Иллюстрированный сборник Пермского губернского земства. Вып. II. Пермь, 1916. С. X.

Наряду с изучением конкурентов и обзаведением новым кругом деловых знакомств Мешков активно занимается доверенным ему делом.

Главную роль в доставке оборудования и материалов для нужд ведущегося тогда строительства Уральской горно-заводской железной дороги играл водный транспорт. И здесь в борьбе за осуществление водных перевозок И. И. Любимов выступал в роли главного конкурента «Товарищества Волжского-Камского пароходства», представляемого Н. В. Мешковым. Это было серьезное испытание для молодого Николая Васильевича. Но он, как говорится, не ударил в грязь лицом.

Успешное проведение Н. В. Мешковым ряда перевозочных операций, связанных с доставкой из Петербурга и других городов отечественной и импортной продукции для нужд строящейся железной дороги, было высоко оценено «Товариществом», удвоившим его жалованье¹.

Несмотря на завидное развитие карьеры в «Товариществе», молодой Николай Мешков стремился к независимости и самостоятельности. Накопленный опыт уже позволял ему думать о собственном деле. Кроме того, он видел, что бум железнодорожного строительства способствует развитию водного транспорта и появлению новых грузоперевозчиков. Нужно было не упускать этого важного шанса. Решиться и рискнуть. В 1877 г. он попросил у правления «Товарищества» разрешения на аренду или приобретение буксирного парохода. Получив такое разрешение, он совместно со своим другом И. М. Шулятиковым взял в долг 800 руб. и арендовал винтовой пароход «Пожва»². Риск оказался оправданным. За одну навигацию друзья получили на нем значительный доход – 5 200 руб. Через год, несмотря на лестное предложение утроить его жалованье, он решил

¹ Рабинович. Р. И. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 42.

окончательно покинуть «Товарищество» и пуститься в самостоятельное «плавание», взяв в аренду все ту же «Пожву». Успешно проведенная навигация 1878 г. дала Мешкову возможность выкупить арендованное судно и начать самостоятельное дело. Это стало началом большого пути пароходчика и предпринимателя Николая Васильевича Мешкова.

В короткое время, расширяя круг своей деятельности, Н. В. Мешков сумел установить деловые контакты с крупнейшими заводчиками и местным купечеством. Появилась постоянная клиентура. Из года в год увеличивалось количество принадлежащих ему пароходов на всей протяженности Волжско-Камского водного пути. Рос его авторитет в деловых кругах и у общественности Перми. Особенно он возрос и упрочился после того, как в тяжелый неурожайный 1891 г. по поручению Пермского земства Мешков сумел заготовить и поставить в пострадавшие от засухи уезды Пермской губернии 400 тыс. пудов семенного зерна. Для проведения этой операции Земство доверило ему под честное слово 1,5 млн руб. И Мешков с честью безукоризненно выполнил взятые перед Земством обязательства. Хлеб оказался прекрасного качества. Никакой выгоды при проведении этой операции Н. В. Мешков не преследовал и не имел¹.

К несомненным талантам Мешкова следует отнести его особую способность оценивать и подбирать сотрудников. Некоторые из них прошли весь его деловой путь от начала до конца (1878–1918) и стали преданными друзьями. К таким людям относился, в частности, Григорий Михайлович Чудинов, советник, верный и любимый друг Николая Васильевича. Чудинов был правой рукой Мешкова и пользовался его исключительным доверием, которое оправдывал с лихвой. Он ведал конторами Мешкова, которые находились во всех Волжских городах, а также в Перми, Москве и Петер-

¹ Рабинович. Р. И. Указ. соч. С. 43–44.

бурге. По свидетельству Мешкова, Григорий Михайлович обладал феноменальной памятью и многие дела держал в голове, не допуская при этом ошибок и путаницы. По воспоминаниям близких, после национализации он увез всю документацию пароходства в Минусинск, надеясь спасти ее для Мешкова, но вскоре умер, так и не успев передать ее старому другу.

Мешков ценил сотрудников за деловые качества и не боялся чудаков. Одним из них был бухгалтер Александр Дмитриевич Иванов. Истинный толстовец, заработав определенную сумму денег, он уходил вместе с семьей в деревню «опроцаться», жил там, занимаясь крестьянским трудом, пока не иссякали все ресурсы, а потом опять поступал к Мешкову. И тот его принимал. Принимал с радостью, т. к. для него была бесконечно дорога безукоризненная честность Иванова и его высокий профессионализм.

К 1885 г. состояние Н. В. Мешкова уже позволило ему выкупить у города понравившийся ему участок с остатками дома Яковлевых и начать строительство своего особняка, о котором в 1887 г. летописец нашего города А. А. Дмитриев сказал: «По окончании работ это будет самое замечательное в архитектурном отношении здание во всей Перми, составляющее прекрасное украшение набережной»¹. (Этот особняк Н. В. Мешкова и по сей день радует взгляд пермяков и гостей города.) По окончании строительства семья переселилась в особняк, а старый дом был безвозмездно отдан Николаем Васильевичем под бесплатную детскую библиотеку. Правда, брак Мешкова оказался неудачным: детей у супругов так и не появилось. Возможно, это послужило причиной взаимного отчуждения. Однако в одно прекрасное утро 1884 г., открыв дверь на ранний звонок, двадцатилетняя Таисия Васильевна обнаружила на пороге дома подкинутого

¹ Дмитриев А. А. Очерки губернского города Перми. Пермь, 1913. С. 349–350.

младенца женского пола. Девочка была удочерена Николаем Васильевичем. В крещении она получила имя своей крестной матери Таисии. Для домашних она была Тиной, Тиночкой. Через шесть лет, в 1890 г., таким же образом появилась в семье вторая дочь – Елена (Леля), названная в честь Елены Ивановны Мешковой.

Близкие считали, что девочки – собственные дети Николая Васильевича, появившиеся вне брака. Так ли это, сейчас уже не установить. Во всяком случае, девочки были окружены любовью и заботой, семья тщательно скрывала тайну их удочерения, и до конца жизни они так и не узнали об этом. Вера Никаноровна стала для них настоящей бесконечно любящей матерью. Она любила Николая Васильевича редко встречающейся и всепрощающей любовью. К сожалению, появление в доме детей не сблизило супругов. Однако видимость семьи сохранялась, и супруги продолжали жить под одним кровом.

К концу XIX в. авторитет Н. В. Мешкова в деловом мире России признавали даже недоброжелатели. Он был известной фигурой и на Нижегородской ярмарке, и на Петербургской бирже, и в министерских кругах. У одних он вызывал уважение, у других – зависть, третьих раздражал несхожестью своего поведения с образом жизни классического разухабистого русского купца, способного под настроение спустить половину нажитого в загуле с цыганским хором. Бесшабашному застолью он предпочитал умную книгу. Им была собрана одна из лучших на Урале библиотек. Чтение было непременной составляющей его рабочего дня.

Любознательность его не имела границ. Он как губка впитывал в себя познания в различных отраслях деятельности. Много размышлял о прочитанном, определял его место в деле, которому посвятил жизнь. Интерес к геологии, к перспективе изучения недр северного Приуралья благоприят-

ствовал его знакомству с академиком Александром Петровичем Карпинским, руководившим в то время (1885–1903 гг.) Геологическим комитетом в Петрограде. Уроженец Богословского завода, Карпинский любил Урал и большое внимание уделял изучению его природных богатств. В 1881 г. им была опубликована большая работа о полезных ископаемых Урала, которая безусловно заинтересовала Н. В. Мешкова и способствовала их знакомству. Ознакомление с работой молодого московского ученого Сергея Алексеевича Чаплыгина (будущего академика) «О некоторых случаях движения твердого тела в жидкости» побудило Николая Васильевича искать встречи с автором, исследования которого так близко касались перспектив развития и модернизации судоходства. Встреча перешла в многолетнюю дружбу¹. Своим острым, хватким и дальновидным умом Н. В. Мешков понимал, как важны для развития экономики страны разведка и разработка богатств, таящихся в российских недрах, в частности плохо разведанных природных ресурсов Уральского Севера. Он приходил к мысли о том, что настоящая работа в этом направлении может быть обеспечена только при развитии транспортной сети, как водной, так и железнодорожной. Вообще он считал, что жизнеспособность и дальнейшее развитие страны неразрывно связаны с развитием транспорта.

К началу нового века Н. В. Мешков был широко образованным человеком, хорошо известным в литературной, издательской и театральной среде. Любил театр, музыку, живопись. Был в курсе всех литературных новинок. Несравненное удовольствие доставляло ему общение с людьми, близкими по духу, оригинально мыслящими, горячо воспринимаящими процессы, происходящие в стране, имеющими свой взгляд на суть и пути дальнейшего развития

¹ Дмитриев А. А. Странный миллионер // Наука Урала. 1988. № 38. 22 сент.

России. С одними он дружил на протяжении всей жизни, с другими встречался периодически и поддерживал переписку. Он был лично знаком и прятельствовал с А. И. Куприным, который даже гостил у него в Перми, общался с Ф. И. Шаляпиным и А. М. Горьким. Его знали Лев Толстой и Сергей Дягилев. Был близко знаком с московским издателем И. Д. Сытиным. Все они видели в нем не только самобытность, но и удивлялись широте его кругозора, ценили порядочность, верность данному слову, независимость суждений¹.

Однако, судя по «летописям» А. А. Дмитриева и В. С. Верхоланцева, коренные пермяки воспринимали успешного предпринимателя и конкурента их земляков Н. В. Мешкова очень сдержанно. В «Очерках из истории города Перми» А. А. Дмитриев безымянно упоминает его как «купца, владельца нескольких буксирных пароходов», выкупившего у города дом Яковлевых и капитально его перестраивающего². Это простительно: «Очерки» впервые были изданы в 1889 г., когда для широкой общественности имя Н. В. Мешкова еще не «звучало».

Другое дело – книга В. С. Верхоланцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее»³, изданная в 1913 г.: здесь имя Н. В. Мешкова уже сознательно замалчивается, даже когда автор рассказывает о деятельности созданного Мешковым общества «Народный дом». Единственное упоминание Н. В. Мешкова здесь связано с планируемым строительством нового ночлежного дома в Перми. Возможно, в глазах автора имя нашего героя было скомпрометировано его «политической неблагонадежностью» и повышенным интересом к нему жандармского управления. Об этом будет сказано ниже.

¹ Лачева М. Ю. Указ. соч. С. 240.

² Дмитриев А. А. Очерки губернского города Перми. С. 350.

³ Верхоланцев В. С. Указ. соч. С. 12.

Общественная деятельность

Уже достигнув определенных высот благополучия и заняв достойное место в кругу российских предпринимателей, Николай Васильевич не забывал среды, из которой он вышел, и тех трудностей, которые ему пришлось преодолевать на пути к успеху. Он встречал в жизни много одаренных от природы людей, которые не смогли по-настоящему реализоваться, спивались и пропадали ни за грош.

В силу своей профессии общаясь с самым разнообразным людом, задействованным в сфере работы водного транспорта, Н. В. Мешков хорошо знал нужды и настроения простого народа. Понимал всю глубину невежества основной массы населения России и необходимость поднятия уровня его элементарной грамотности и работы по его просвещению. Успешность в делах и миллионное состояние не очерствили его душу. Окончивший в свое время всего четыре класса уездного училища, он по себе знал, как трудно идти путем самообразования, и глубоко понимал всю важность системного образования для широких народных масс. На протяжении всей жизни Николай Васильевич живо откликался на все инициативы, связанные с образованием и просвещением в нашем крае. Большое значение придавал открытию общедоступных библиотек, развитию системы начального образования, доступного неимущим слоям населения. Много думал об организации культурного досуга рабочей массы. Знакомился с опытом организации досуга рабочих в передовых европейских странах и на больших предприятиях России.

Задолго до возникновения университетской проблемы Н. В. Мешков стал видным и авторитетным деятелем нашего

края. Член Губернского земского собрания, член правления Пермского отделения Крестьянского банка, член Губернского училищного совета, почетный член Общества содействия начальному образованию, почетный смотритель Пермского уездного училища, он активно выступает за создание фонда помощи сельским учителям, энергично ходатайствует об увеличении пособия Пермской бесплатной библиотеке, хлопотет о создании в Перми Народного дома, вносит свою лепту в строительство здания для Кирилло-Мефодиевского начального училища, активно участвует в делах Городской думы, возглавляет комиссию по празднованию 100-летнего юбилея А. С. Пушкина. И все это – в совокупности с огромной работой в своем пароходстве.

К сентябрю 1898 г. за свою общественно полезную деятельность он уже имел две нагрудных золотых медали: на Станиславской ленте (с 1 января 1892 г.) и на Аннинской ленте (с 1 января 1896 г.), а 7 сентября 1898 г. Дирекция народных училищ представляет его к ордену Станислава 3-й степени за значительные пожертвования в пользу Пермского уездного училища¹.

Что касается политики, то он никогда не был членом какой-либо партии. Хотя объективно по своим взглядам Н. В. Мешков был, конечно же, либералом. Самодержавие он считал тормозом в развитии страны, понимал необходимость и неизбежность демократических преобразований. Вряд ли он жаждал «революционных бурь». Однако это не мешало ему интересоваться деятельностью революционных партий, ставивших своей целью изменение политического устройства России, симпатизировать им и даже щедро помогать деньгами. Мало того, он неоднократно укрывал в своем особняке разыскиваемых жандармерией революционеров. Еще до Первой русской революции Николай Васильевич

¹ ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 263. Л. 134.

находился под негласным надзором жандармского управления за общение с представителями революционных кругов. Его прекрасный особняк, расположенный на крутом берегу Камы, гостеприимный хозяин нередко предоставлял для проведения собраний представителям революционных партий, среди которых были такие известные люди и интересные собеседники, как один из идеологов движения народников Н. К. Михайловский, лидеры партии эсеров Г. А. Гершуни и Е. К. Брешко-Брешковская¹. Немало революционеров находило здесь стол и дом.

Поначалу не особо вникающий в программы политических партий, со временем он стал явно симпатизировать представителям искровского направления в революционной работе. Одним из проводников этого направления была молоденькая Лидия Фотиева, будущий секретарь В. И. Ленина, с семьей которой Мешковы находились в дружеских отношениях. Случилось так, что в доме Мешкова появилась явочная квартира, которой ведала Таисия Васильевна Мешкова. Безусловно, Николай Васильевич был в курсе этого события. Постепенно к работе по получению нелегальной литературы из-за границы и передаче денег искровцам была подключена сестра Николая Васильевича Надежда, проживавшая в Самаре. Бывали в доме и такие видные ленинцы, как Л. Б. Красин и Г. М. Кржижановский. В марте 1902 г. Н. В. Мешков был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по делу о Пермской организации РСДРП и даже подвергся годичной высылке из Перми². В марте 1907 г. последовал второй арест и привлечение к суду. На сей раз его обвиняли в сочувствии революционерам за то, что он в 1905 г. финансировал кассы бастующих железнодорожников и кассы почтово-телеграфных служащих, работой которых поль-

¹ Рабинович Р. И. Указ. соч. С. 67.

² Там же. С. 74.

зовался для своего пароходства. Были у него и стипендиаты-студенты, исключенные из высших учебных заведений за участие в студенческих волнениях. Им он давал средства на выезд за границу и оплачивал их обучение там. Не отказывал в деньгах и просто сильно бедствующим людям. В 1906–1908 гг. он анонимно финансировал издание журнала «Былое», имевшего явно выраженный антиправительственный характер. Кстати, Лев Николаевич Толстой высоко ценил это издание и выписывал его. Участвуя таким образом в «раскачивании» самодержавия, Мешков, конечно же, не предполагал, к какому драматическому финалу революционная пропаганда приведет страну в конце 1917 г.

Своеобразные и ни на что не похожие отношения сложились у Мешкова с многотысячным коллективом работников, занятых в его пароходстве. Достойная оплата труда, уважительное, хотя и очень требовательное, отношение Николая Васильевича к своим служащим, материальное поощрение для лучших и принятие расходов на себя в неординарных случаях, признание права работающих на забастовки воспринимались современниками как чудачества миллионера. В 1905 г. служащие астраханского отделения его компании намерились бастовать в знак солидарности с рабочими других пароходных компаний, условия труда в которых были значительно хуже, чем в пароходстве Мешкова. Николаю Васильевичу они сообщили о своем решении, заявив при этом, что лично к нему у них претензий нет. На требование астраханского губернатора об увольнении забастовщиков Мешков ответил, что может согласиться с ним только в случае гарантии со стороны губернатора безаварийной работы пароходства в течение всего сезона. Губернатор был вынужден снять свой ультиматум¹.

¹ Лачева М. Ю. Указ. соч. С. 251.

По воспоминаниям Л. А. Фотиевой, в 1905 г. во время забастовки железнодорожников в Перми Николай Васильевич вызвал председателя стачечного комитета и сказал: «Бастуйте, сколько надо, я буду платить жалование».

Апофеозом общественной деятельности Н. В. Мешкова стало активное участие в открытии Пермского университета. Но ему предшествовала большая и целенаправленная работа Николая Васильевича в области развития просвещения в нашем городе. Практически ни одно из дел, направленных на решение этой проблемы, не обходилось без его участия, будь то съезды учителей, направленные на поднятие уровня образования и внедрение новых методов в процесс обучения, или открытие общедоступных библиотек и активная поддержка созданного В. М. Шулеповым «Общества содействия начальному образованию», или организация юбилейных торжеств к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, или строительство здания в честь 100-летия Кирилло-Мефодиевского училища, или идея строительства Народного дома в Перми.

Борьба Н. В. Мешкова за строительство Народного дома в Перми и создание Общества «Народный дом»

Как уже говорилось выше, до университетской проблемы была незавершенная эпопея со строительством Народного дома в Перми. Много лет, сил и энергии Н. В. Мешков отдал воплощению идеи строительства Народного дома, но вынужден был, в конце концов, прекратить участие в этом проекте из-за инертности городских властей и отказа Пермского губернского попечительства о народной трезвости в частичном субсидировании.

Что же вкладывалось в понятие «Народный дом», и какие функции он должен был осуществлять?

В 80-е гг. XIX в. при крупных предприятиях России по примеру передовых европейских стран стали появляться первые народные дома, целью которых была организация трезвого досуга рабочих и их семей, повышение уровня грамотности, приобщение к литературе и искусству, поощрение и развитие творческих способностей. Обычно в народном доме объединялись воскресная школа, библиотека-читальня, чайная и зал для спектаклей, народных чтений и лекций. Фактически это были предшественники широкой сети клубов и дворцов культуры советского периода. Приоритета власти большевиков, как нам внушали с юных лет, здесь, по видимому, нет. Конечно, имела место определенная корысть предпринимателей: от того, в каком настроении и состоянии приходит рабочий на смену, трезв он или с похмелья, зависит производительность его труда и качество работы.

В 1899 г. широкое празднование 100-летней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина стало стимулом для про-

грессивной общественности России к реализации идеи всеместного создания народных домов. Не осталась в стороне от этого процесса и пермская общественность.

18 февраля 1899 г. Пермской городской думой было принято решение о проведении празднования в честь 100-летия великого поэта. Для организации проведения юбилейных торжеств Думой была создана специальная комиссия по разработке программы чествования А. С. Пушкина, которую возглавил гласный Думы Н. В. Мешков. 15 марта 1899 г., на заседании этой комиссии ее председателем и был поднят вопрос о строительстве Народного дома в Перми в честь юбилея поэта. Идею подхватил пермский любительский драматический кружок, направивший в начале мая специальное письмо в адрес Пермской городской думы. В соответствии с письмом общее собрание членов драматического кружка ассигновывало в фонд будущего строительства Народного дома 700 руб. и обязывалось, кроме того, вносить в фонд 20 % от выручки с каждого спектакля¹.

Письмо кружковцев сопровождалось заключением Городской управы, в котором поставленный вопрос о строительстве Народного дома признавался своевременным. Однако от субсидирования этой идеи Управа уклонилась, «рассчитывая на поступления в особо образованный для этой цели фонд средств из разных источников» В первую очередь здесь упоминалось Пермское губернское попечительство о народной трезвости, «так как представление народу разумных развлечений, в целях отвлечения его от пьянства, составляет прямую задачу этого попечительства... Со своей же стороны город прежде всего может предложить усадебное место для постройки дома»². В своем заключении Управа

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1899 г. Пермь, 1900. С. 196–197.

² Там же. С. 197.

сочла предложенное кружком наименование будущего строения («Народный дворец») слишком ко многому обязывающим и предложила дать ему более скромное наименование: «дом для просветительных нужд народа, в память поэта А. С. Пушкина».

5 мая 1899 г. этот вопрос обсуждался на заседании Думы. Письмо кружковцев было воспринято думцами довольно прохладно. Вроде и отказать неудобно и связываться с этим делом, требующим больших материальных затрат, слишком хлопотно и накладно. Большинство думцев разделяли мнение, высказанное членом Управы Романовым: «Постройка Народного дома повлечет за собой затрату больших средств, а между тем, у города есть свои неудовлетворенные нужды». «Дело народного образования народа также одна из главных нужд города», – возражал ему Н. В. Мешков¹. В конечном итоге Дума единогласно утвердила заключение Городской управы, «поручив управе предложенный драматическим кружком капитал принять и выразить кружку благодарность». В середине июня 1899 г. возглавляемая Мешковым комиссия постановила образовать специальный фонд для постройки Народного дома в Перми.

Пермское попечительство о народной трезвости хранило молчание.

Прошел пушкинский юбилей, и вопрос о строительстве больше чем на год исчез со страниц «Губернских ведомостей». Не обсуждался он больше и на заседаниях Пермской городской думы. Однако мысль о необходимости создания Народного дома в Перми не покидала Н. В. Мешкова.

В 1901 г. он вновь выносит на обсуждение эту проблему уже в связи с празднованием 40-летней годовщины отмены в России крепостного права. На этот раз инициатором выступило возглавляемое им Общество пермской бесплат-

¹ Пермские губернские ведомости. 1899. 8 мая.

ной народной библиотеки. Тонкий дипломат, Н. В. Мешков предлагает более скромный вариант: возглавляемое им общество ставит перед Городской думой вопрос о строительстве в честь юбилейной даты всего лишь собственного здания для бесплатной библиотеки. Расчет его прост: важно получить от города земельный участок и начать строительство, а уж что получится – будем решать, судя по обстоятельствам.

8 февраля 1901 г. состоялось чрезвычайное собрание Пермской городской думы, посвященное организации празднования 40-летней годовщины освобождения крестьян от крепостной зависимости¹. Помимо решения организационных вопросов, Дума «изъявила свое согласие на оказание содействия Обществу бесплатной народной библиотеки-читальни предоставлением ему усадебного места и выдачею пособия для постройки собственного дома». Размер пособия был определен в 3 000 руб. Еще 2 000 руб. выделила Городская управа. Тогда же Н. В. Мешков просил внести в журнал, что он жертвует на постройку дома из собственных средств 3 000 руб. Кроме того, он открыл частную подписку на постройку библиотеки, которая вместе с думскими ассигнованиями к концу 1901 г. составила сумму 25 000 руб.²

Вскоре был создан строительный комитет Общества пермской бесплатной народной библиотеки во главе с Н. В. Мешковым. На заседании Городской думы 16 мая 1901 г. строительный комитет выступил с просьбой о выборе в его состав представителей от Думы «для выработки проекта и сметы на постройку Народного дома (!) в ознаменование 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости с тем, чтобы упомянутый комитет выработал

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1901 г. Пермь, 1902. С. 32–34.

² Голубев П. К вопросу постройки народного дворца в Перми. М., 1901. С. 1.

также проект условий по заведыванию и содержанию Народного дома»¹. (Вот и озвучена основная цель предполагаемого строительства!)

Тогда же Городская управа (не без предварительной работы Мешкова с ее членами) предложила Обществу бесплатной библиотеки «имеющиеся у него средства предоставить на постройку предположенного Народного дома в память поэта А. С. Пушкина с тем, чтобы в этом доме было отведено помещение для народной библиотеки-читальни, каковое и может именоваться “В ознаменование 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости”». От имени собрания членов библиотеки-читальни Н. В. Мешков согласился с предложением Управы, «рассчитывая в данном случае на возможность скорейшего удовлетворения потребности в доме для просветительных нужд народа». Дума единогласно проголосовала за это предложение².

В строительный комитет вместе с Н. В. Мешковым от Думы было избрано семь человек, кроме того, оговорено, что в заседаниях комитета должны участвовать городской голова, члены Управы и городской архитектор (последний – лишь с правом совещательного голоса). По мысли Н. В. Мешкова, совместными силами и средствами комитет должен выработать план Народного дома и, исходатайствовав субсидию у попечительства о народной трезвости в размере 60 000 руб., «приступить к осуществлению давно лелеемой мысли».

В то же время члены строительного комитета во главе с Н. В. Мешковым обратились с просьбой к проезжавшему через Пермь директору департамента неокладных сборов Маркову с просьбой об оказании пособия со стороны Мини-

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1901 г. Пермь, 1902. С. 112–113.

² Там же. С. 113.

стерства финансов и Попечительства о народной трезвости в размере 60 000 руб. для реализации идеи строительства. Марков пообещал содействие в отчислении 20 000–30 000 руб. из средств Пермского попечительства о народной трезвости. За остальной суммой посоветовал обратиться непосредственно в Министерство финансов¹.

В сентябре 1901 г. Пермская городская управа направила подготовленное комитетом Н. В. Мешкова письмо в Губернский комитет Попечительства о народной трезвости с обоснованием необходимости строительства Народного дома в Перми и с просьбой о выделении средств для осуществления данного проекта. В письме, в частности, говорилось: «...устраиваемые в настоящее время в Богородицкой школе на средства Попечительства о народной трезвости народные чтения обыкновенно посещают до 400 человек и больше этого количества зал поместить не может... Бесплатная народная библиотека-читальня имеет около 2 500 подписчиков, а зал для чтения при ней посещают ежедневно от 150 до 300 человек, помещение занимает в частном доме – неудобно и тесно. Воскресные классы для взрослых имеют более 100 слушателей, но помещением совсем не обеспечены и существуют при одной из городских начальных школ (на Торговой улице)»². Попечительство отказало в субсидии, о чем строительный комитет был извещен 3 января 1902 г.³ Очевидно, там решили, что если Мешков затеял все это дело, то пусть сам и «раскошелится».

В ноябре 1902 г. в Городскую управу поступило прошение строительного комитета о необходимости составления плана и сметы будущего строительства и выделения

¹ Голубев П. Указ. соч. С. 2.

² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 18.

³ Там же. Л. 23.

под застройку 1,5 десятин земли, которая может быть отведена из пустыря на углу Кунгурской (ныне – Комсомольский проспект) и Ямской (ныне – улица Краснова) улиц, «где помещается ныне цирк». 19 ноября Городская дума приняла решение об отводе просимого участка¹.

В 1902 г. основной «движитель» постройки Народного дома в Перми Н. В. Мешков был арестован по обвинению в пособничестве революционному движению и в 1903 г. выслан под гласный надзор полиции в Самару на год. Вскоре началась Русско-японская война, а затем революция 1905–1907 гг. Строительный комитет распался.

Только в 1907 г. неугомонным Н. В. Мешковым вновь был поставлен вопрос о строительстве дома для бесплатной библиотеки: «причем, ввиду недостатка средств, строить его с таким расчетом, чтобы здание явилось крылом Народного дома и, следовательно, могло бы впоследствии быть расширено новым пристроем до размеров последнего»². С этим проектом согласилось общее собрание. Тогда же Мешковым было выдвинуто предложение о расширении деятельности Общества бесплатной библиотеки, об изменении его устава и о превращении его в общество «Народный дом». Устав нового общества был принят общим собранием на заседании 14 сентября 1908 г., а 31 декабря 1909 г. зарегистрирован Пермским губернским по делам об обществах присутствием³. Общество приобрело статус юридического лица с соответствующими атрибутами.

Согласно акту об открытии Пермского общества «Народный дом» и передаче последнему имущества Общества бесплатной библиотеки-читальни, подписанному

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 28.

² Пермские губернские ведомости. 1910. 25 мая.

³ Там же.

3 апреля 1910 г., бесплатная библиотека передавала «Народному дому» 3 898 томов книг и капитал, хранящийся в городской кассе с 1902 г., в сумме 33 300 руб. 59 коп. Большую часть этой суммы (19 394 руб.) составлял вклад Н. В. Мешкова¹. 4 апреля состоялось первое заседание общества «Народный дом», на котором председателем совета общества был избран В. П. Иванов. По просьбе общества на заседании 27 апреля уполномоченным в его совет от Городской управы был избран А. П. Гаврилов.

«Пермские губернские ведомости» писали: «Основная задача общества в настоящее время – это усиление средств на постройку здания. Необходимы деньги, без которых все благие начинания все равно не сдвинутся с места». В мае 1910 г. чрезвычайное губернское земское собрание вынесло решение о выделении 5 000 руб. на строительство «при условии выдачи их тогда, когда уже будет приступлено к сооружению здания»². В феврале 1911 г. Городская управа сообщила совету «Народного дома» об отводе под строительство участка на углу улиц Кунгурской и Малой Ямской (т. е. там, где и намечалось в 1902 г.) размером 2 100,25 кв. сажен. Стоимость участка была определена в 42 005 руб. и считалась вкладом Управы в дело строительства. Прилагался план участка³.

В соответствии с уставом общества «Народный дом», в составлении которого Н. В. Мешков принял непосредственное участие, его деятельность распространялась не только на город Пермь, но и на всю губернию, а также имела целью «содействие развитию и удовлетворению образовательных потребностей местного населения, равно доставить ему

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 111.

² Пермские губернские ведомости. 1910. 25 мая.

³ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 44, 48, 122.

возможность разумно и здраво проводить свободное время»¹. Число членов общества не ограничивалось, его членами могли быть как отдельные лица, так и учреждения. Уставом определялись и средства к достижению поставленной цели. Общество было призвано объединить под одной крышей уже давно действующие в городе общественные учреждения и упорядочить их работу и начинания. Помимо бесплатной народной библиотеки-читальни и драматического кружка, существовала еще воскресная школа для взрослых, проводились публичные чтения литературы, организовывались чтения познавательных лекций для широких кругов населения. Для осуществления всех этих мероприятий приходилось арендовать помещения в училищах и у частных лиц. Строительство «общей крыши» стало одной из важнейших задач общества.

16 февраля 1911 г. экстренное собрание членов общества вынесло постановление о проведении конкурса на проект дома через Общество архитекторов-художников в Санкт-Петербурге стоимостью в 1 500 руб. и просило Управу «открыть выдачу по мере надобности» из сумм, собранных ранее².

6 марта 1911 г. этот вопрос обсудила Городская дума. По заключению городского юрисконсульта, поскольку суммы, собранные на строительство, были внесены на хранение в Городскую управу «в силу специального о том распоряжения губернатора, причем ни условий хранения этих сумм, ни порядка их выдачи указано не было, то... и выдача этих сумм может последовать только с разрешения губернатора». В результате дебатов Дума единогласно признала сохраняемые капиталы принадлежащими обществу

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 44, 48, 122.

² Там же. Л. 135.

«Народный дом» и приняла решение выдавать их обществу «по мере надобности»¹.

Тем не менее собранных средств явно не хватало: на 1 марта 1911 г. общий капитал драмкружковцев и бесплатной библиотеки составлял 36 163 руб. 36 коп., а по самым скромным подсчетам на строительство требовалось не менее 120 000 руб.²

Однако к октябрю 1911 г., судя по прошению, адресованному обществом «Народный дом» министру финансов и поддержанному Городской думой, сумма уже составляла 55 000 руб. Общество просило министерство субсидировать такую же сумму из средств Пермского попечительства о народной трезвости. К прошению прилагались устав общества, программа конкурса архитекторов, чертеж фасада здания, общий план места и расположения построек. Посobie в таком размере требовалось, чтобы иметь возможность немедленно осуществить первую очередь строительства стоимостью в 105 000 руб. Строительство второй очереди – театра, по соображениям общества, могло быть отложено до лучших времен.

К этому времени уже состоялся конкурс архитекторов, и первую премию получил проект под названием «Две арки» архитектора Белогруда. Стоимость строительства первой очереди (лекционного зала, библиотеки, читальни, помещения для воскресной школы и квартиры для служащих) по этому проекту определялась суммой в 115 000 руб.³

Общество, уверенное в получении министерской субсидии, наметило покупку некоторых строительных матери-

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1911 г. Пермь, 1912. С. 88–90.

² ПКМ. № 16907/56.

³ Там же. № 16907/792.

алов и привлекло архитекторов И. И. Бренда и Е. А. Волошина для детальной разработки проекта и составления сметы. Выяснилось, что проектная цена сильно занижена. Совет общества решил вынести на общее собрание предложение «отказаться от постройки грандиозного здания» и остановиться на постройке более скромного, соответствующего имеющимся средствам¹. В феврале 1912 г. пришел ответ из Министерства финансов: ходатайство общества было оставлено без удовлетворения².

Конечно, разочарование было велико, но Н. В. Мешков понимал, что отказ министерства в субсидировании строительства Народного дома объясним: только полгода назад министерство выделило крупную сумму на строительство здания-памятника Кирилло-Мефодиевского училища, закладка которого состоялась в июле 1911 г. Бесполезно в ближайшее время рассчитывать на участие министерства в финансировании строительства. Но за отказами попечительства и министерства просматривалось желание вынудить увлеченного идеей строительства Мешкова «раскошелиться» и осуществить его на собственные средства. Это, мягко говоря, раздражало Мешкова, тем более что Пермское попечительство о народной трезвости по своему предназначению было обязано принять деятельное участие в финансировании задуманного проекта.

Вместе с тем Н. В. Мешков считал недальновидным предложение совета общества «Народный дом» об отказе от принятого ранее проекта и строительстве более скромного здания: здание многофункционального Народного дома

¹ ПКМ. № 16907/56.

² ГАПК. Ф. 43. Оп. 1, Д. 495. Л. 6 (об.).

должно соответствовать своему названию и служить украшением города не меньше, чем здание Кирилло-Мефодиевского училища, благо и располагаться они должны были в ста метрах друг от друга. И Мешков сумел убедить в совет общества в том, что целесообразно начать строительство по предлагаемому проекту, параллельно продолжая сбор пожертвований и ожидая подходящего момента для нового обращения в Министерство финансов.

После упомянутого выше отказа Министерства финансов Николай Васильевич несколько отходит от строительства. Однако по-прежнему много времени он уделяет деятельности созданного им общества «Народный дом». По договоренности с Пермским научно-промышленным музеем при нем проводятся научно-популярные лекции и организуются общеобразовательные курсы. Помимо развития работы бесплатной народной библиотеки-читальни и пополнения ее фондов, общество открывает два ее филиала на окраинах города. В своей книге «Город Пермь, его прошлое и настоящее» В. С. Верхоланцев сообщает: «В продолжение зим 1910/11 г., 1911/12 г. и 1912/13 г. в Перми, в разных пунктах города, преимущественно на окраинах, были введены бесплатные народные популярные чтения Пермского общества «Народный дом» с демонстрированием световых картин; лекторами были главным образом преподаватели средних учебных заведений г. Перми и врачи»¹. Ежегодно публикуются подробные отчеты о работе общества.

И все-таки в 1913 г. для строительства Народного дома стараниями Н. В. Мешкова закупается бутовый камень и кирпич, возводится мощный цокольный этаж одного из

¹ *Верхоланцев В. С. Указ. соч. С. 111.*

крыльев будущего дома, судя по которому здание строилось на века и должно было достойно украсить город. Однако мировая война прервала строительство. После революции цокольный этаж был подведен под крышу и превращен в овощехранилище, а в начале 1930-х гг. в его массивных стенах поселился Государственный архив Пермской области. Вы и сейчас можете увидеть сильно перестроенную часть цокольного этажа Народного дома, которую занимает Пермская муниципальная спортивная детско-юношеская школа (ул. Краснова, 43а). Таким образом, недостроенное детище Н. В. Мешкова продолжает служить людям.

Строительство Ночлежного дома

Поняв, что строительство Народного дома может затянуться на неопределенное время, Н. В. Мешков уже в марте 1912 г. обращается в Пермскую городскую управу со следующим письмом: «С давних лет Пермское городское управление и пермское общество озабочены устройством для бедняков, не имеющих крова, ночлежных приютов. Заботы общества вытекают не только из желания дать бесприютным людям за ничтожную плату ночлег, но и из желания хотя бы уменьшить для городских обывателей опасность заражения инфекционными болезнями, которые возникают и распространяются быстрее и чаще всего среди беднейших людей, благодаря антисанитарным условиям их жилищ, и ими распространяются по городу. Устройство надлежащих приютов понижает процент инфекционных заболеваний, и необходимость устройства их в целях оздоровления городов не может вызывать возражений»¹. Исходя из изложенного, Н. В. Мешков сообщал далее, что имеет намерение «построить в Перми ночлежный дом имени матери своей Елены Ивановны Мешковой». Для этой цели им куплено у товарищества Алафузовских заводов два усадебных места, на которых и предполагается устройство ночлежного дома. Мешков предлагал осуществить строительство этого дома на свои деньги с последующей передачей его в дар городу.

Решение строить ночлежный дом не было случайным для Мешкова. Николай Васильевич давно вынашивал мысль об увековечении памяти своей матери, скончавшейся в 1899 г. Он бесконечно любил и почитал свою мать. Богатство не очерстило душу Елены Ивановны. Памятуя о том,

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1912 г. Пермь, 1913. С. 160.

из какой бедности поднялась ее семья после гибели мужа, она пронесла через всю свою жизнь способность к ответственному состраданию обездоленным. Эти же качества воспитала в своих детях и старалась привить внукам. Николай Васильевич считал, что постройка ночлежного дома увековечило бы память матери.

В известной мере предложение Н. В. Мешкова было и демонстрацией. Демонстрацией независимости и противодействием давлению извне, которое он постоянно ощущал, добиваясь выделения средств для строительства Народного дома. Вместе с тем это было искреннее, наболевшее желание перейти от прожектов к реальным делам на благо города, ставшего для него родным, и решить одну из его насущных проблем.

Имевшийся к этому времени в Перми ночлежный дом на 100 человек, открытый Пермским комитетом по разбору и призрению нищих в 1882 г., находился в плачевном состоянии. В грязном, тесном строении зимой собиралось до 300 ночлежников¹. Разговор о необходимости строительства нового ночлежного дома уже неоднократно велся в Городской управе и в Думе, но проблема опять-таки заключалась в недостатке денежных средств.

В письме Н. В. Мешков просил Управу ознакомиться с предполагаемым местом строительства и, если оно будет одобрено, определить на какое количество поселенцев здание должно быть рассчитано и какие вспомогательные службы должно иметь.

Заявление Мешкова было рассмотрено на частном совещании гласных Городской думы 7 апреля. Тогда же пермский городской голова П. А. Рябинин лично беседовал по этому поводу с Н. В. Мешковым и назначил специальное за-

¹ *Верхоланцев В. С. Указ. соч. С. 155.*

седание финансовой комиссии Думы с участием представителей Мешкова – «доверенного его Г. М. Чудинова, юрисконсульта А. А. Насальчук и архитектора А. А. Ляк».

8 апреля 1912 г. заявление Н. В. Мешкова обсуждалось в заседании финансовой комиссии Управы, которая «полагала выразить Н. В. Мешкову глубочайшую благодарность за его столь щедрое пожертвование для бедных жителей Перми, не имеющих постоянного крова» и определила, что «желательно» иметь ночлежный приют на 450 мужчин и 50 женщин. Относительно вспомогательных служб комиссия полагалась на знания, которые Мешков приобрел, изучая проблему¹. Действительно, Николай Васильевич в течение ряда лет знакомился со способами ее решения в других городах России, интересовался европейским опытом.

Для осмотра места под постройку в своем докладе Городской думе Управа предлагала пригласить техническую комиссию с участием городского архитектора и городских врачей «совместно с представителями и строителями Н. В. Мешкова». Кроме того, Городская управа предлагала «в знак особой признательности Н. В. Мешкову за его бескорыстное христианское попечение о бедных города, не имеющих крова, избрать его Почетным гражданином города Перми»².

11 апреля 1912 г. доклад Управы был вынесен на заседание Пермской городской думы. Сказать, что предложение Николая Васильевича было принято думцами восторженно – это, значит, ничего не сказать. Конечно же, Дума единогласно поддержала и инициативу Управы об избрании Н. В. Мешкова Почетным гражданином города Перми. О состоявшемся решении Мешкова известили благодарственной телеграммой³.

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1912 г. Пермь, 1913. С. 161.

² Там же.

³ Там же.

С присущей ему энергией Н. В. Мешков приступил к реализации задуманного.

По мысли Николая Васильевича дом должен был строиться «с применением всех усовершенствований, приспособлений и всех видов благотворения, по образцу лучших домов призрения в Москве и в западноевропейских государствах». Кроме спален для ночлега, в доме должны быть чайная, столовая, аптека и амбулатория для оказания медицинской помощи. Это должен быть прекрасный дом-памятник, благоустройство которого отвечает последним достижениям строительной отрасли – с водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электричеством, – рассчитанный не на одно поколение обездоленных горожан. Часть территории должен был занять большой сад.

Для проектирования и строительства «Ночлежного дома им. Е. И. Мешковой» (как он значился в официальных документах) была приглашена шведская компания «Турольф и Ко» из Стокгольма¹. В течение короткого времени проект был подготовлен, одобрен Николаем Васильевичем, определены поставщики необходимых материалов. Началась интенсивная работа по реализации проекта. Общее наблюдение и контроль за строительством осуществлял Григорий Михайлович Чудинов – правая рука и друг Николая Васильевича, пользовавшийся у него безграничным доверием. На него же была возложена работа по организации своевременных поставок строительных материалов и оборудования. Он же договаривался с городскими властями о подаче воды и электроэнергии для нужд строительства и в октябре 1912 г. ходатайствовал перед Управой о разрешении брать глину «для печных и др. работ из карьеров на берегу Камы», находящихся ближе к стройке. Однако Управа рекомендовала брать глину «от городских кирпичных сара-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 32.

ев», опасаясь возникновения оползня. Стараниями Чудинова на территории стройки была открыта для рабочих частная лавка А. Ф. Ватолиной, торгующая съестными «припасами» с 8 часов утра до 7 часов вечера. За качество выполнения строительных работ отвечал инженер Петр Васильевич Акимов¹.

В общий комплекс строений Ночлежного дома должны были входить и здание вспомогательных служб для удовлетворения насущных нужд будущих насельников: бани, прачечной, котельной, столярной и слесарной мастерских, булочной. Каждый и жильцов мог трудоустроиться в одной из этих служб и при желании – освоить понравившееся дело. Желающие могли принять участие в устройстве сада, освоить садоводство. Таким образом, Н. В. Мешков хотел сделать этот дом не только ночным пристанищем для обездоленных, но и местом, где они могли бы получить работу, обучиться полезному ремеслу и стать полноценными гражданами города. Предполагалось, что по истечении пары лет, требующих полного содержания за счет строителя, дом сможет перейти на самоокупаемость.

По ходатайству Н. В. Мешкова на заседании 12 сентября 1912 г. под строительство вспомогательных служб Дума безвозмездно выделила участок городской земли, примыкающий к имеющемуся участку, в 1055 кв. сажен. В декабре этот участок был увеличен до необходимых для строительства размеров².

О размерах и стоимости строительства можно судить по представлению Городской управы пермскому губернатору 14 февраля 1913 г. «О зачислении пермского 1-й гильдии купца Н. В. Мешкова Почетным гражданином г. Перми... за покупку им для ночлежного дома усадьбы 11 515 кв. сажен

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 37–39.

² Журналы заседаний Пермской городской думы за 1912 г. Пермь, 1913. С. 374.

ценностью выше 100000 руб. и за производство им постройки ночлежного дома». Управа свидетельствовала, что «на этой усадьбе действительно уже производится постройка ночлежного дома таких размеров и по такому плану, что общая стоимость ночлежного дома со всем оборудованием может стоить 500 000 руб. Сведения о плане и размерах строящегося ночлежного дома имеются в Строительном отделе Губернского правления»¹.

В январе 1914 г. Николай Васильевич вносит предложение об открытии при ночлежном доме на его средства городской аптеки с ничтожной наценкой на лекарства, которой могло бы пользоваться все малоимущее население города. Причем он предоставляет помещение для аптеки с полным комплектом оборудования и гарантирует городскому управлению возмещение всех расходов по содержанию аптеки и выписке медикаментов. На заседании 22 января 1914 г. Дума принимает предложение Мешкова с выражением ему «за такое пожертвование благодарности от имени Городской думы»².

Между тем строительство велось быстрыми темпами. Не было перебоев в поставке ни строительных материалов, ни оборудования. Все делалось с европейским размахом и русской (мешковской) основательностью. Рабочий день начинался с утра и кончался затемно. В темное время года площадка строительства освещалась за счет электроэнергии, подаваемой городской электростанцией. Правда, уже к началу 1915 г. стараниями Чудинова стройка обзавелась собственной электростанцией, излишек энергии которой, по заявлению Г. М. Чудинова в Городскую управу, предполагалось использовать «в интересах ночлежного дома для работ и в других помещениях... для установки электрических

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 27.

² Там же. Л. 38–39.

моторов на механическом заводе и средней пристани на Каме». Однако Управа на это не пошла, предложив в данном случае пользоваться мощностью городской электростанции с оплатой по себестоимости¹.

Огромное прекрасное здание с курантами под крышей и именем Е. И. Мешковой на фронтоне должно было принять своих первых насельников осенью 1914 г.

Но, увы, летом 1914 г. началась мировая война. Окончание строительства велось уже в военное время, которое диктовало свои условия, что и определило новое назначение ночлежного дома. В специальном докладе Пермской городской управы 10 декабря 1914 г. «О выражении Н. В. Мешкову благодарности за предоставление помещений ночлежного дома для надобности войск» говорилось: «Еще во время мобилизации, когда под помещение призванных запасных недостаточно было зданий всех учебных заведений в городе и помещений общественных учреждений, были заняты под помещение запасных здания бывшего Алафузовского завода, приобретенного Н. В. Мешковым, и часть здания Ночлежного дома, тогда еще не оконченного. На уведомление об этом Николай Васильевич ответил полным своим согласием, выразив, как истинный патриот, свою радость, что построенный им дом может служить для помещения защитников нашего дорогого отечества... Если бы не было ночлежного дома Мешкова и воинские части не были размещены казарменным порядком, то все эти тысячи воинских чинов расквартировались бы в домах и квартирах обывателей, что несомненно вредно бы отозвалось на воинской дисциплине, и было бы весьма стеснительно для обывателей»². Вместе с выражением глубокой благодарности

¹ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1914 г. Пермь, 1915. С. 29–30.

² Журналы заседаний Пермской городской думы за 1914 г. Пермь, 1915. С. 538.

Управа просила думское собрание поставить перед губернатором вопрос о представлении Н. В. Мешкова «к высочайшей награде за его щедрое пожертвование на постройку ночлежного дома и вообще общепользную деятельность». Под «высочайшей наградой» подразумевалось присвоение Н. В. Мешкову звания коммерции советника.

Дума одобрила и приняла все предложения Управы.

Между тем строительство комплекса Ночлежного дома близится к завершению: строится прачечная, заканчивается оборудование дезинфекционной камеры, холодильника для скоропортящихся продуктов, хлебопекарни. Н. В. Мешков распоряжается о скорейшем окончании строительства основного здания, в котором в это время устанавливалось центральное отопление, и об устранении всех имеющихся недоделок в определенные ранее сроки. Работы велись непрерывно, и по мере их завершения здание занималось все новыми воинскими подразделениями.

Первоначально здесь были расквартированы «призванные запасные, а затем в нем размещались ополченческие дружины, формировавшийся в Перми Сибирский корпус и запасные батальоны». К декабрю 1914 г. в построенном здании было расквартировано 4 тысячи солдат. Впоследствии их число возросло до 6 тысяч. В упомянутом выше докладе Управы отмечалось, что, кроме Ночлежного дома, на усадьбе «построена ныне хорошо оборудованная баня, в чем большая нужда для войск».

В представлении Пермской городской думы губернатору 6 января 1915 г. перечисляются все заслуги Н. В. Мешкова перед городом и, в частности, говорится: «Мешков всегда принимал деятельное участие в поддержке ходатайств города в высших правительственных учреждениях... Весьма большое оказал содействие в направлении Котласской ли-

нии железной дороги в Пермь. Ему, Мешкову, принадлежит идея постройки железной дороги от Оренбурга на Уфу и Кунгур или Пермь... Как коммерсант с широким кругозором, он понял важное значение железнодорожного пути, соединяющего Пермскую губернию, богатую лесом и разными минералами, со Средней Азией и на свой счет произвел изыскание железнодорожной линии от Оренбурга через Уфу до Пермской железной дороги. Изыскание его "Оренбург – Уфа" одобрено к постройке, а изыскание от Уфы до соединения с Пермской железной дорогой будет рассматриваться в Железнодорожном департаменте в наступающем марте месяце /1916 г./. Осуществление кратчайшего железнодорожного пути в Ташкент и другие города Средней Азии открывает для Перми широкие горизонты развития товарообмена для того и другого края. Инициатива в сем деле и изыскания принадлежит Н. В. Мешкову»¹.

Ходатайство Думы рассматривалось на самом высоком уровне, и в апреле 1916 г. Николаю Васильевичу Мешкову был присвоено звание коммерции советника.

Думал ли Н. В. Мешков, возводя монументальное здание Ночлежного дома, что память его незабвенной матери – Е. И. Мешковой – будет освящена появлением первого на Урале университета?

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 48(об.)–49.

История открытия Пермского университета

Одним из самых счастливых дней в жизни Николая Васильевича Мешкова был день открытия в Перми отделения Петроградского университета.

Открытие университета в Перми было большим событием не только для Урала, но и для всей России. В то время на территории Российской империи действовало 13 университетов (Московский – с 1755 г., Юрьевский – с 1802 г., Вильнюсский – с 1803 г., Казанский – с 1804 г., Харьковский – с 1805 г., Петроградский – с 1819 г., Киевский – с 1834 г., Львовский – с 1861 г., Одесский – с 1865 г., Варшавский – с 1869 г., Черниговский – с 1875 г., Томский – с 1888 г., Саратовский – с 1909 г.). Все они находились в ее европейской части, за исключением Томского – единственного университета на весь огромный Урало-Сибирский регион.

Прогрессивная общественность губернии уже с конца 80-х гг. XIX в. поднимала вопрос о необходимости создания высшей школы на Урале. Богатейший, с еще не разведанными до конца недрами, Уральский регион испытывал острейшую потребность в собственных специалистах высокой квалификации и для горнорудного дела, и для металлургии, и для сельского и лесного хозяйства. Остро не хватало врачей, юристов, учителей.

В Перми первый доклад на эту тему был прочитан в 1887 г. Сохранились тома переписки Пермской городской управы с Министерством народного просвещения по поводу созданию высшей школы в Перми: об открытии высшего технического училища (с 1896 г.), политехнического института (с 1910 г.), сельскохозяйственного и лесного института (с 1911 г.). Однако правительство не спешило с решением.

Началась мировая война. Необходимость эвакуации вглубь страны Юрьевского (Тартуского) университета, оказавшегося слишком близко к театру военных действий, озадачила Министерство народного просвещения необходимостью выбора города, в который можно было бы перевести этот университет. 20 октября 1915 г. с ходатайством о предоставлении помещений для Юрьевского университета в случае эвакуации в Пермь прибыл профессор этого университета. К. Д. Покровский.

Н. В. Мешков не был в курсе сложившейся ситуации: в октябре он находился в Нижнем Новгороде с деловым визитом. Нужно сказать, что к этому времени, спасая от банкротства пароходство братьев Каменских, Николай Васильевич присоединил его к своему и фирма официально стала именоваться «Товарищество пароходства и транспортирования грузов «Ф. и Г. бр. Каменские и Н. Мешков». Правление «Товарищества» находилось в Москве, а конторы располагались в 40 городах Волжско-Камского водного бассейна. Чтобы держать руку на пульсе своего огромного дела, Мешков значительную часть времени был в разъездах. Много дел, требовавших его присутствия, было и на знаменитой Нижегородской ярмарке.

Общественность Перми была очень взволнована предстоящими переговорами с профессором Покровским: стала реальной возможность появления в городе высшего учебного заведения. На совещании, созванном при Городской управе 21 октября 1915 г., серьезно обсуждался вопрос о возможности перевода Юрьевского университета в Пермь не на временное, а на постоянное размещение. Принципиальных возражений этот вариант у гостя не встретил. Профессор Покровский сообщил высокому собранию, что здания университета в Тарту старые и тесные, но университет имеет разработанные и утвержденные проекты на постройку новых зданий и руководству университета все равно, где

их придется строить¹. Так что все зависит от того, как будет решаться пермскими властями вопрос о финансировании этого строительства.

Городское управление оказалось в затруднительном положении: с одной стороны, желание заполучить в Пермь желанный университет на постоянное «место жительства», с другой – отсутствие подходящих помещений, которые можно было бы приспособить для университета до окончания планируемого строительства и недостаточность городских средств для осуществления этого строительства. Неделя ушла на то, чтобы еще и еще раз проверить и взвесить возможности городского хозяйства. Но, увы, приходилось признать, что даже с привлечением губернских и уездных средств, городу не под силу строительство и содержание университета.

В этот напряженный момент Городская управа получила телеграмму из Нижнего Новгорода от Николая Васильевича Мешкова: «Прочитал в столичной газете о возможности перевода в Пермь Юрьевского университета. Польза для всего края очевидна и неоспорима, поэтому всей душой приветствую усиленные хлопоты городского управления. Если Городская дума найдет нужным, кроме отвода места и временного помещения гарантировать еще хотя бы по 50 000 руб. в год на постройку или содержание университета, то прошу доложить Думе и оказать мне честь позволить совместно с городом из своих средств в течение десяти лет вносить также 50 000 руб. ежегодно»². Другими словами, Н. В. Мешков вносил в кассу города на нужды будущего университета 500 000 руб., которые сыграли решающую роль в вопросе создания в Перми постоянно действующего университета, в корне изменив отношение городского управления

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 321. Л. 59.

² Иллюстрированный сборник Пермского губернского земства. С. XX.

к ходатайству Юрьевского университета. Кроме того, в случае положительного решения о переводе в Пермь Юрьевского университета Н. В. Мешков обещал передать в распоряжение университета комплекс новых строений на Заимке – Ночлежный дом. По свидетельству современника, «дома Мешкова на Заимке давали около 6 000 кубических сажень объема и могли вместить $\frac{3}{4}$ полного объема Юрьевского университета»¹. С этого момента вся история открытия Пермского университета была неразрывно связана с именем Н. В. Мешкова.

Телеграмма Мешкова позволила органам городского управления уже уверенно ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о переводе Юрьевского университета на постоянное размещение в Пермь. Одновременно Городская дума решила «уполномочить... Н. В. Мешкова на возбуждение по сему предмету ходатайства и о личном поддержании такового – где и перед кем, по обстоятельствам, окажется необходимым»². Другими словами, Дума предоставляла Мешкову неограниченные полномочия для решения этого вопроса.

В ноябре 1915 г. совет Юрьевского университета принял решение об эвакуации в Пермь.

Вдохновленный надеждой увидеть город, ставший его второй родиной, центром научной мысли и просвещения на Урале, Н. В. Мешков немедленно развил бурную деятельность. Хранящееся в Государственном архиве Пермского края дело о переводе Юрьевского университета буквально нашпиговано телеграммами, письмами, докладными записками Мешкова, копиями его писем к высоким чиновникам³. Он вовлек в эту деятельность сестру и друга – Таисию Васи-

¹ Иллюстрированный сборник Пермского губернского земства.

² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 5.

³ Там же.

львену Розанову, которая стала его правой рукой в работе по эвакуации в Пермь имущества Юрьевского университета. Кроме того, она была связующим звеном между братом и городским обществом: информировала городского голову П. А. Рябинина и председателя созданной 17 февраля 1916 г. при Городской управе Университетской комиссии по эвакуации Юрьевского университета в Пермь А. А. Дубенского о продвижении дел, передавала и исполняла телеграфные поручения Мешкова. Активным помощником Николая Васильевича стал его старый друг и сотрудник Г. М. Чудинов, который вместе с ним вошел в состав Университетской комиссии. Важные поручения исполнял и К. Д. Ростовцев – представитель и особоуполномоченный Мешкова в Уфе. Это была надежная «группа поддержки». Петербургская контора Мешкова еще в ноябре 1915 г. получила указание участвовать в эвакуации имущества Юрьевского университета. Эвакуацию Мешков считал одним из важнейших дел, которое закрыло бы Юрьеву путь к отступлению.

Нужно напомнить, что тогда не было тех средств связи, которыми так широко пользуемся мы: ни авиации, ни междугородней телефонной связи. Все свои «вояжи» из Перми в Нижний, из Нижнего в Петроград, из Петрограда в Юрьев, из Юрьева на Кавказ и обратно нашим героям приходилось совершать поездом. А единственным (хотя и очень дорогим) скоростным средством связи был телеграф. Но зато сейчас именно по телеграммам Мешкова мы можем в какой-то мере восстановить хронологию то напряженной деятельности, которую он вел, находясь вне Перми. В ход были пущены и личные связи, и деньги. Но главное – энергия и настойчивость, с которыми Н. В. Мешков доказывал сановникам царского правительства необходимость перевода Юрьевского университета именно в Пермь.

Прежде всего он мчится в Петроград для решения этого вопроса в Министерстве народного просвещения. Министр

народного просвещения граф Петр Николаевич Игнатъев, только недавно сменивший на этом посту яркого реакционера Л. А. Кассо (противника позитивных преобразований и гонителя всего прогрессивного в сфере народного просвещения), имел репутацию убежденного либерала и человека высокой культуры. Принимая на себя обязанности министра народного просвещения, он декларировал свое намерение открыть в России 10 новых университетов и всячески содействовать развитию образовательной системы страны. Николай Васильевич понимал, как важно заручиться поддержкой этого человека и иметь в его лице надежного союзника.

П. Н. Игнатъев по достоинству оценил ум, энергию и целеустремленность Н. В. Мешкова. Его убедительные доводы встретили понимание и сочувствие министра. Деятельность Н. В. Мешкова способствовала тому, что, как зафиксировано в докладе Городской думы, «на ходатайство Перми было обращено должное внимание и потребность университета в Приуральском крае была признана делом государственной важности»¹. Уже 21 ноября 1915 г. Городская управа получает телеграмму Мешкова о согласии министра на эвакуацию имущества университета.

Однако юрьевская профессура не стремилась переезжать в российскую глубинку. Мешков продолжает борьбу. 30 ноября 1915 г. он телеграфирует в Городскую управу: «Несмотря /на/ противодействие, университет, надеюсь, переведут. Думаю, даже скорее, чем ожидалось. Ночлежный /дом/ неизбежно понадобится, всячески готовьтесь /к/ ремонту»². Здесь следует напомнить, что уже более года здание использовалось как солдатская казарма и, естественно, проживание в нем многотысячного коллектива молодых здоровых парней, мало знакомых с достижениями цивили-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 321. Л. 56.

² Там же. Д. 307. Л. 57.

зации, весьма плачевно отражалось на состоянии его внутренней отделки: обшарпывались стены, затаптывались полы, ломались водопроводные краны, выходила из строя канализация. Уже ко второму году пользования военными здание требовало ремонта, что подтверждала приведенная выше телеграмма. Да и за освобождение его от воинского поста Мешкову еще предстояло бороться.

В конце 1915 г. обстановка на фронтах стабилизировалась и активизировалось противодействие профессуры Юрьевского университета переводу в Пермь. Общественность университета направила телеграмму главнокомандующему Северным фронтом генералу А. Н. Куропаткину, который решал вопросы, связанные с эвакуацией мирных объектов из прифронтной зоны, с ходатайством отложить эвакуацию до тех пор, пока она действительно не станет насущной необходимостью. Главнокомандующий признал, что военных обстоятельств для эвакуации университета вглубь страны нет. Ответ уклончивый, но дающий возможность не торопиться с отправлением имущества Юрьевского университета в Пермь. Это грозило сорвать большую подготовительную работу Мешкова по эвакуации имущества, тем более, что решение о железнодорожных грузоперевозках в условиях военного времени тоже входило в компетенцию главнокомандующего.

Необходимо было обратиться в инстанцию, с которой не мог не считаться А. Н. Куропаткин, найти там авторитетное понимание и поддержку. И вот уже Н. В. Мешков на всех парах летит на Кавказ, в Тифлис, в резиденцию бывшего Главнокомандующего русскими армиями Великого князя Николая Николаевича. Несмотря на отставку, Николай Николаевич (теперь уже командующий Кавказским фронтом и наместник Кавказа) был очень популярен в армии и пользовался большим авторитетом в обществе. Мнение его в правительственных кругах было весьма весомым. Н. В. Мешков

удостаивается приема Великим князем и 4 января нового 1916 г. лично вручает ему письмо с просьбой о содействии эвакуации Юрьевского университета в Пермь¹. В ходе визита Николай Васильевич подробно обосновывает необходимость эвакуации имущества Юрьевского университета и потребность в создании университета в Перми. Беседа с Н. В. Мешковым, логика и убедительность его аргументации произвели должное впечатление на Николая Николаевича. Он признал важным и нужным начинание, о котором хлопочет Мешков, просил информировать его о ходе дела и обещал свою помощь и поддержку. Результатом этой беседы явилась телеграмма Великого князя министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву с просьбой ускорить эвакуацию имущества Юрьевского университета².

Телеграмма способствовала тому, что уже 28 января 1916 г. ректор Юрьевского университета Пусторослев сообщает о предстоящем 10 февраля отправлении в Пермь первой партии – 22 вагонов – имущества университета³. Однако фактически отправление вагонов состоялось только в конце февраля. 15 марта, извещая о ходе дел Великого князя Николая Николаевича, Мешков сетует на отрицательное отношение к эвакуации и противодействие юрьевской профессуры: «...профессура поехала по разным городам, чтобы запутать, задержать эвакуацию», – пишет он Великому князю⁴. Накануне он посещает графа Игнатьева, лишней раз заручаясь его поддержкой, и передает ему копию своего письма Куропаткину по поводу ускорения перевозки университетских грузов. В записке об этом визите Мешков пишет, что граф «посоветовал настойчиво всюду хлопотать... Очень много поговорили по душам»⁵. Как видим, от-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 133–134.

² Там же. Л. 179.

³ Там же. Л. 122.

⁴ Там же. Л. 204.

⁵ Там же. Л. 205.

ношения с министром народного просвещения сложились вполне неформальные, что не могло не отразиться на успехе хлопот Мешкова.

Но он идет дальше и находит все новые способы для привлечения правительственных органов и российской общественности к университетской проблеме Перми.

Для завоевания симпатий членов Государственной думы и Государственного совета при решении вопроса о переводе Юрьевского университета в пользу Перми Н. В. Мешков на свои средства с помощью К. Д. Ростовцева издал небольшую, но качественно оформленную и написанную хорошим слогом брошюру под названием «Заря высшего просвещения на Урале – университет в Перми», в которой обосновывалась необходимость создания университета в городе. В день обсуждения вопроса эта брошюра оказалась на местах всех членов Государственной думы. Получили ее и министры.

В конце марта 1916 г., не без участия Н. В. Мешкова, появляется еще одна брошюра: «Почему в случае эвакуации Юрьевский университет должен быть переведен в Пермь и что для этого необходимо?»¹. 31 марта, отмечая это событие, Н. В. Мешков телеграфирует сестре: «Отлично, Чижев издал отдельной брошюрой. Послал ли министрам, членам Совета /Государственной/ Думы? Так же необходимо /в/ Юрьев, Ректору, штук 20 для профессоров. Вчера пожертвовал до 5 000 /руб./ снарядить /в/ половину мая на все лето экскурсию Юрьевских профессоров /с/ несколькими студентами для изучения Уральского края севернее Перми и Екатеринбургa. Не теряю надежды, /что/ экскурсия эта поможет много и даже нравственно повлиять на всех. Прошу торопить ремонт /Ночлежного дома/. Ростовцев еще не вернулся /из/ Юрьева, но кажется 30 вагонов упаковано, отправляются /в/ Пермь. Необходима местная наша большая поддержка ассиг-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 185–190.

нованиями на постройку зданий полного университета»¹. Всего в феврале–марте 1916 г. в Пермь было отправлено около 100 вагонов с имуществом Юрьевского университета.

На следующий день Мешков через Таисию Васильевну извещает Городскую думу: «Скоро приедут /в/ Пермь Шевяков (В. Т. Шевяков – товарищ министра народного просвещения) /с/ попечителем Щербаковым. Полагаю /в/ конце апреля – начале мая /состоится/ университетские экскурсии: поедут обследовать Урал, преимущественно западные склоны, начиная севернее Чердыни и параллели Екатеринбург – Осы. Средства вчера – 5000 /руб./ – перевел /в/ Юрьев... Посылаю какой есть печатный материал, увидите какие нужны средства, ассигнования. Сообщите эту телеграмму /Университетской/ комиссии немедленно»². Ему не терпелось продемонстрировать скептически настроенным Юрьевским ученым, какие широкие перспективы для серьезнейшей научной работы, новых исследований и открытий сулит им перевод в Пермь. Он жаждал добиться привлечения научной общественности России к изучению еще не разведанных природных богатств Северного Урала.

Между тем Николай Васильевич тщательно продумывает все вопросы, связанные с инспекцией чиновников Министерства народного просвещения.

Приезд чиновников, который, возможно, будет решающим для Перми, откладывается на май месяц. Начиная с 19 апреля Мешков регулярно телеграфирует председателю Университетской комиссии А. А. Дубенскому, информируя о предстоящей инспекции. Незадолго до намеченного приезда В. Т. Шевякова и Н. О. Палечека (вместо Щербакова) Николай Васильевич присылает в Городскую управу подробное письмо с советами, что и как нужно показать министерским чи-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 213.

² Там же. Л. 212.

новникам. Он пишет: «1. Показать возможно больше помещений, чтобы стало ясно, что университет мог бы и теперь временно развернуться в Перми; 2. Отметить, что могут быть устроены... две клинические и анатомическая аудитории, а также помещение для работы над трупами (мастерская в психиатрической больнице); 3. Показать место для постройки университета и общежития университета (прямо нужно делать университетский городок с садами и проч. и проч.); 4. Особо подчеркнуть значение университета для Пермского края. Можно поднести по экземпляру «Кама» издания Пермской губернской типографии; 5. Настаивать, чтобы университет был переведен полностью, подчеркнуть, что местному населению нужны не только медики, агрономы и естествоиспытатели, но также филологи и юристы; <...> 6. Если Юрьевский университет должен развернуться осенью, то надо теперь же переводить его и устраиваться... Не менее главное, это указать, что в Юрьеве все уже изучено, что студентов там нет, все приезжие, ...а у нас все свое, неизученное и раскупаемое иностранцами. Что это такое!! Даже экспедиции университетские снаряжаются в Персию, на Кавказ, в Киевскую губернию, Каспийское и Белое море... но только не к нам»¹.

Он думает обо всем на шаг вперед, не жалея ни времени, ни средств.

Огромное значение для успешного решения университетской проблемы имела передача Н. В. Мешковым в распоряжение будущего университета комплекса новых строений на Заимке – Ночлежного дома имени его матери Е. И. Мешковой. Как уже говорилось выше, Ночлежный дом был занят войсками и предстояла еще длительная борьба за освобождение его от воинского постоя, после которого требовалось произвести ремонт. Именно об этом упоминалось в ряде телеграмм Мешкова. И Пермская городская дума уже делает

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 246–248.

шаги в этом направлении: в конце мая 1916 г. она извещает распорядительный комитет о начале «спешной постройки специальных барачков с хлебопекарнями и др. требующимися для войск приспособлениями, которые будут готовы ко времени выступления войск из лагерей... не позже 10 августа»¹. Однако военное ведомство отчаянно сопротивляется выселению из комфортного здания Ночлежного дома.

Наряду с этим Николай Васильевич уже думает об организации и субсидировании конкурса на лучший проект зданий для будущего университетского городка. В апреле 1916 г., информируя Думу через сестру о развитии событий, он озадачивает городское управление необходимостью выделения 15–20 десятин земли под строительство университетского городка и целевого ассигнования на это не менее 2 млн руб.² Николай Васильевич с уверенностью смотрит далеко в будущее. Нужно сказать, что к этому времени вопрос о выделении участка для строительства университета уже обсуждался городскими властями. Предполагалось выделить его за Загородным садом (садом им. Горького) между Кунгурской (Комсомольский пр.) и Сибирской улицами. Однако это были только наброски.

Ожидаемая инспекция состоялась 8–9 мая 1916 г., товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков и директор Департамента высших учебных заведений Н. О. Палечек были подробно ознакомлены со всем комплексом зданий, предоставляемых для размещения Юрьевского университета, и нашли, что в Перми есть условия для обустройства университета на новом месте.

Но здесь произошло неожиданное: Юрьевский университет получил предложение об эвакуации в Екатеринослав (Днепропетровск), Тамбов или Воронеж. После некоторых

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 294.

² Там же. Л. 207.

колебаний совет университета принял предложение Воронеза как более подходящего по климатическим условиям. Ни крупная субсидия Н. В. Мешкова для организации экскурсии профессоров университета в Пермский край, ни брошюры К. Д. Ростовцева и В. Чижова не смогли убедить профессуру. Вопрос об эвакуации в Пермь был снят.

Однако Н. В. Мешков не отступает от намеченной цели, побуждая Министерство народного просвещения к новым шагам для удовлетворения нужд Перми. Министр народного просвещения П. Н. Игнатъев, глубоко проникшийся идеей создания университета в Перми, находит компромиссное решение, при котором и Юрьевский университет остается в Юрьеве, и Пермь получает свой университет. Товарищ министра В. Т. Шевяков готовит специальный доклад о предлагаемом варианте разрешения проблемы, с которым граф П. Н. Игнатъев идет на аудиенцию к императору. Уже 27 мая 1916 г. Николай Васильевич восторженно телеграфирует в Пермь председателю Университетской комиссии А. А. Дубенскому: «Сердечно горячо поздравляю Вас и /в/ Вашем лице всю комиссию, город и земство: доклад Шевякова утвержден вполне. Лекции /в/ Перми начнутся осенью. Примите все меры быть вполне готовыми. Скоро приедет министерский архитектор, ректор, пять-шесть профессоров для указания и размещения аудиторий и квартир. Не могу выразить радость такому удачному приобретению для благосостояния всего края и города. Мешков»¹.

13 июня 1916 г. «последовало по докладу министра народного просвещения высочайшее соизволение на учреждение в Перми отделения императорского Петроградского университета, которое кладет основание учреждению в будущем самостоятельного Пермского университета»².

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 307. Л. 281.

² Там же. Л. 56.

Таким образом, миссия Николая Васильевича Мешкова закончилась триумфально: Пермь получила свой университет. Забегая вперед, скажем, что если бы не Н. В. Мешков, не было бы у нас и по сию пору классического университета, т. к. в 1920-е гг., когда Пермь вдруг из губернского города превратилась в районный центр, руководство Уральской области в Свердловске добивалось закрытия Пермского университета.

За семь месяцев, благодаря энергии и воле Николая Васильевича Мешкова, в труднейших условиях мировой войны была завершена восемнадцатилетняя борьба ответственности Перми за создание высшей школы. И Пермь получила не просто узкоспециализированное высшее учебное заведение, а классический университет.

Конечно, объективности ради нужно сказать, что огромная работа городского управления обеспечивала Н. В. Мешкову прочный и надежный тыл. Сразу после его памятной телеграммы органы городского и земского управления активно занялись сбором пожертвований в пользу университета: были разосланы обращения в уездные земства губернии, в Вятское губернское земство. Пермское губернское земство в общей сложности внесло в фонд университета 100 000 руб. Столько же поступило от Пермского городского общества. 200 000 руб. внесло Пермское уездное земство, 50 000 руб. – Красноуфимское. Оханское, Осинское и Чердынское земства пожертвовали по 25 000 руб. каждое, 25 000 руб. поступило от Пермского общества взаимного страхования. Свою посильную лепту внесли и общество потребительской кооперации губернии (5 570 руб.) Около 20 000 руб. пожертвовали отдельные частные лица, в основном представители пермского купечества. Поступали пожертвования и от отдельных рабочих коллективов. Вятка же откликнулась лишь пожертвованиями рабочих и служа-

щих газеты «Вятская речь». Интересно отметить, что прошение рабочих Мотовилихинского завода в мае 1916 г. о разрешении собраний для сбора средств на университет пермским губернатором удовлетворено не было.

Ко времени окончательного решения вопроса об открытии университета общая сумма пожертвований достигла 2 876 297 руб.

В распоряжение университета земство отдавало новый дом Губернской земской управы (ныне здание Педагогического университета). Правда, еще предстояло выселить оттуда воинскую часть. Кроме того, Губернским земством готовился краеведческий сборник, все средства от продажи которого должны были поступить в фонд университета. Это позволяет судить, насколько деятельно участвовали все слои пермского общества в формировании материальной базы будущего университета, и насколько популярна была идея его создания.

Но сколько еще предстояло сделать, чтобы осенью открыть университет! Ведь нужно было обеспечить будущий университет помещениями для занятий, квартирами для профессорско-преподавательского состава, организовать работу приемной комиссии и ректората.

Открываемое в Перми отделение Петроградского университета должно было состоять из трех факультетов: физико-математического, юридического и историко-филологического. Физико-математический факультет подразделялся на четыре отделения: медицинское, математическое, естественное и химическое.

В конце июня 1916 г. в Пермь приехал первый ректор Пермского университета – Константин Доримедонтович Покровский, доктор астрономии, профессор Юрьевского университета, с самого начала являвшийся последовательным сторонником неудавшейся эвакуации этого университета. Читающей публике он был хорошо известен как автор

ряда популярных работ по астрономии и космографии. С ним прибыли и первые профессора – молодые ученые Петроградского университета, рекомендованные ректором этого университета Э. Д. Гримом, – филолог С. П. Обнорский, историк Б. Д. Греков, экономист М. В. Птуха, минеролог А. А. Полканов, гистолог А. А. Заварзин, ботаник А. А. Рихтер, будущий палеонтолог Ю. А. Орлов. Их имена сегодня известны далеко за пределами нашей страны.

Молодые ученые стремились в новый университет, т. к. предвидели в нем больше возможностей для развития своей творческой деятельности, нежели в столичном университете, где слишком много отвлекающих факторов. В воспоминаниях Юрия Александровича Орлова, в то время еще студента Петроградского университета, приехавшего в Пермь в качестве ассистента профессора Алексея Алексеевича Заварзина, приводятся мотивы, которые руководили Заварзиным в его решении ехать в Пермь: «Ему хотелось уехать в Пермь, ...потому что в провинциальных условиях можно сосредоточеннее и продуктивнее заниматься наукой, можно работать над созданием нового университета и очага науки»¹. Этими же благородными мотивами, по всей видимости, руководствовалось большинство его коллег.

Началась напряженная работа по подготовке к началу учебных занятий, в которой деятельное участие принимал Николай Васильевич Мешков. Он много общался с приехавшей профессурой, узнавая и уточняя потребности отдельных кафедр в оборудовании, наглядных пособиях, препаратах и реактивах для лабораторий. Заказывал и закупал необходимое. Одновременно готовились аудитории, оформлялись кафедры, закладывалась библиотека университета. Все это требовало больших денежных вложений, и Мешков не скупился на них.

¹ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 509.

В начале июля был объявлен прием студентов и в канцелярию университета, расположившуюся в особняке Мешкова, стали поступать прошения. По правилам приема выпускники классических мужских гимназий и духовных семинарий зачислялись в университет без испытаний. Выпускники ремесленных училищ и других средних учебных заведений должны были пройти испытания по древним языкам (латинскому и греческому), которых не изучали. Женщины должны были сдавать экзамены за курс мужской гимназии.

На 700 мест, определенных планом приема Министерства народного просвещения на 1-й курс, было подано 696 прошений, в том числе от женщин – 165. Принято было 522 человека, из них 77 женщин¹.

Самым крупным было медицинское отделение физико-математического факультета. По министерскому плану на это отделение полагалось принять 200 человек, тогда как на другие факультеты и отделения – только по 100. Фактически же на первый курс медицинского отделения было зачислено 220 человек, на естественное – 90, на химическое – 17, на математическое – 59; на юридический факультет – 72 человека, на историко-филологический – 64. Около половины всех поступивших были детьми крестьян и мещан.

Много сил приложил Н. В. Мешков, чтобы освободить от воинского постоя главное здание Ночлежного дома и здание Губернской земской управы. Однако военное руководство ни за что не хотело покидать просторные и удобные помещения. Освободить их удастся только в 1917 г. после вмешательства Временного правительства и непосредственного приказа военного министра А. Ф. Керенского.

К началу учебного года в распоряжение университета были переданы три дома Мешкова на Заимке, входящие в

¹ Пермская земская неделя. 1916. 1 окт.

комплекс Ночлежного дома, здание Кирилло-Мефодиевского училища, анатомический театр при психиатрической больнице, здание Губернского земства и помещение в частном доме Камчатова. Николай Васильевич отдает в распоряжение будущего университета собственный красавец-особняк и начинает срочно строить новое здание для университета на месте Алафузовского завода (сейчас это корпус № 5 университета). Ремонт и приспособлением зданий к нуждам университета занимались их владельцы – Губернское земство и Н. В. Мешков.

Из 26 квартир, выделенных для профессуры, 10 квартир (46 комнат) были бесплатно предоставлены в домах Николая Васильевича Мешкова.

Открытие Пермского отделения Петроградского университета было назначено на 1 октября 1916 г.

Накануне открытия университета, 30 сентября 1916 г., Пермская городская дума чествовала Н. В. Мешкова. В репортаже об этом событии еженедельник «Пермская земская неделя» писал: «Пермский университет – заветнейшая мечта целого поколения лучших пермских граждан, получен, наконец, Пермью, благодаря неустанной деятельности в этом направлении и любви к родному краю Почетного гражданина города Перми Н. В. Мешкова. Он до такой степени слился с университетом, что пройдут долгие годы и в воспоминаниях о переживаемых сейчас нами университетских днях мы неизбежно услышим имя Мешкова»¹.

Во время чествования была зачитана и вручена Н. В. Мешкову в «роскошной папке, украшенной гербом Пермской губернии», выписка из журнала заседаний Думы с постановлением об учреждении при университете двух стипендий по 300 руб.: одной – имени Н. В. Мешкова, другой – в честь его матери Е. И. Мешковой. Кроме того, в по-

¹ Пермская земская неделя. 1916. 1 окт.

становлении говорилось: «В знак особой признательности Н. В. Мешкову принять следующее: а) поместить его портрет в зале заседаний Думы; б) ходатайствовать перед советом университета о помещении его портрета в актовом зале университета; в) наименовать одно мужское училище именем Н. В. Мешкова и одно женское – именем покойной его матери Е.И. Мешковой и г) назвать одну из улиц города – Набережную – именем Н. В. Мешкова»¹.

Не осталось без благодарного внимания и имя ближайшего помощника Н. В. Мешкова в деле открытия университета – его сестры Таисии Васильевны Розановой: «глубокая признательность от Думы должна быть выражена Таисии Васильевне Розановой, которая в сем деле была деятельной и усердной помощницей и положила много трудов и стараний, невидимых для посторонних лиц, но много содействовавших успеху открытия университета в Перми», – говорилось в докладе финансовой комиссии Управы в Городскую думу².

Открытие Пермского отделения Петроградского университета состоялось на следующий день, 1 октября 1916 г., в чрезвычайно торжественной обстановке. Организацией торжеств занималась Соединенная комиссия Губернского земства и Городской думы по открытию в Перми университета. Приглашены были представители всех крупных городов Урала. На открытие прибыли товарищ министра народного просвещения В. Т. Шевяков и ректор Петроградского университета Э. Д. Grimm.

В день открытия на имя ректора университета пришло более 70 поздравительных телеграмм: из университетов страны, от городов, учреждений и частных лиц. Помимо телеграмм, много поздравлений пришло обычной почтой. По-

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 321. Л. 59–59 (об.).

² Там же. Л. 59 (об.).

здравительная почта составила большой увесистый том: Прогрессивная Россия радовалась рождению нового университета в стране.

Торжество, посвященное открытию, происходило в Мариинской гимназии. Украшенный зеленью белый актовый зал гимназии с трудом вмещал прибывших: люди стояли в проходах, в проемах окон, грудились у дверей. Торжественное заседание началось выступлением товарища министра народного просвещения, который объявил Пермское отделение Петроградского университета открытым. Затем произносились поздравительные и благодарственные речи. В процессе заседания снова и снова с большой теплотой и признательностью произносилось имя Н. В. Мешкова.

За всю историю нашего города не было ни одного (!!!) общественного деятеля, который при жизни удостоился такой восторженной благодарности, такого чествования, каким наградили современники Николая Васильевича Мешкова.

Пожалуй, общее настроение общественности выразил в своем выступлении председатель Соединенной университетской комиссии А. А. Дубенский: «С особой благодарностью и любовью Пермский край будет вспоминать труды и жертвы Почетного гражданина г. Перми – Н. В. Мешкова. Мы знаем, что Николай Васильевич первый поставил вопрос о постоянном Пермском университете, что он первый внес свою щедрую лепту, что он представил университету свои дома и средства для их использования. Велика эта заслуга, но не она главная. Все без исключения местные люди, объединенные задачей о Пермском университете, знают, сколько личного труда и сил и любовной заботы положено этим большим русским человеком, который не усомнился много раз за этот истекший год бросать свои крупные и ответственные работы, чтобы ехать в Петроград, в Тифлис, в Юрьев, в Кисловодск, всюду, где он только ожидал найти

содействие и помощь для Пермского университета. Пермский университет был делом его души, перед которым отступали и меркли все другие вопросы, хотя бы в них и воплощались труды всей его жизни. И Пермский край своим достижением в громадной мере и бесспорно обязан Почетному гражданину г. Перми Н. В. Мешкову»¹.

В речах, произнесенных на открытии университета, редкое выступление обходилось без упоминания имени Н. В. Мешкова. Однако Н. В. Мешков не собирался почивать на лаврах, считая сделанное только началом пути, за которым следует строительство специального университетского городка с просторными лабораториями, оборудованными по последнему слову техники. В ответном выступлении он сообщил высокому собранию о том, что «Пермское биржевое общество (председателем которого он был. – Н. А.) передает в личное распоряжение графа Павла Николаевича Игнатьева 100 тысяч рублей на подготовительные работы, командировки за границу и в России и на премии за лучшие проекты и планы всех зданий для нашего университета»². Здесь следует пояснить, что комплекс зданий на Заимке, как и другие помещения в городе, был отдан в распоряжение университета на 10 лет. За это время предполагалось построить специальный университетский городок. Один из проектов главного здания будущего университета был опубликован на первой странице газеты «Пермская земская неделя», вышедшей в день открытия университета. Газета сообщала о том, что «на постройку университета ассигновано уже до трех миллионов местных средств и отводится 50 десятин земли за Новой слободкой».

Через две недели после торжественного открытия, 16 октября 1916 г., Н. В. Мешков пишет в Пермскую город-

¹ Иллюстрированный сборник Пермского губернского земства. С. XXV.

² Там же. С. XXVII.

скую управу заявление о готовности внести в кассу города «немедленно по указанию Министерства народного просвещения или Городской думы» 250 000 руб. на закладку фундамента, а следующие 250 000 – с началом строительства¹.

К сожалению, последующие события в стране не позволили осуществиться далеко идущим планам. Но и то, что уже было сделано к этому времени – неоценимо. И это понимали современники Н. В. Мешкова, потому и чествовали его так восторженно.

Современники и в первую очередь сам Н. В. Мешков, понимали непреходящее значение открытия университета: войны заканчиваются, сменяются общественные формации и правительства, а университеты живут и являются двигателем прогресса и духовного развития наций и народов, передавая эстафету познания из рук одного поколения в руки другого. Но тогда еще они не могли знать, что Пермский университет станет *Alma mater* целого ряда высших учебных заведений нашего города.

Через год, 6 мая 1917 г., Пермское отделение Петроградского университета получило статус самостоятельного Пермского университета. А 29 сентября 1917 г. совет университета избрал Николая Васильевича Мешкова своим почетным членом «за выдающиеся заслуги в деле основания университета в Перми»². Выступая на открытом заседании совета Пермского университета 1 октября 1917 г., ректор К. Д. Покровский с гордостью констатировал: «Создание университета – беспримерное явление. Никогда еще не было, чтобы университет не только в такое тяжелое время, как настоящее, но и при нормальных условиях, мог начать свою деятельность сразу, как это имело место у нас, в Перми»³.

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.

² Там же Ф. р-180. Оп. 1. Д. 72. Л. 38–39.

³ Там же. Л. 39.

Революционные события 1917 г. застали Н. В. Мешкова в Москве, где он в это время жил почти постоянно. Он отказался от эмиграции, решив разделить судьбу России, что бы с ней не произошло. Пережил национализацию своего пароходства и конфискацию капиталов. Был арестован и три месяца сидел в Бутырской тюрьме, откуда был выпущен по ходатайству секретаря В. И. Ленина Л. А. Фотиевой и народного комиссара путей сообщения Л. Б. Красина, через которых в свое время передал немалые средства на деятельность большевистской партии. Зная и высоко оценивая деловые качества Н. В. Мешкова, Красин пригласил его на должность консультанта в Народный комиссариат путей сообщения (НКПС). Мешков принял это предложение. Находясь в этой должности, он стал консультантом столь дорогого ему Волжско-Камского пароходства.

Можно только догадываться, как глубоко он переживал развал своего дела, крах своих, рассчитанных на годы вперед, планов по организации изучения природных богатств Приуралья и развитию транспортных сетей России, неосуществимость задуманного им строительства большого университетского городка в Перми. С какой горькой иронией размышлял о своей причастности к тому, что произошло с его Родиной. Нет, не о таких революционных «преобразованиях» думал он, отдавая деньги тем, кто раскачивал самодержавную лодку...

Но, уже проживая вдали от Перми, Николай Васильевич всегда интересовался своим детищем и был в курсе университетских дел. После перипетий гражданской войны и возвращения университета из Томска в приветствии Н. В. Мешкову от коллектива университета в связи с пятилетием со дня его открытия говорилось: «Глубокоуважаемый и дорогой Николай Васильевич! Первые преподаватели и первые студенты Пермского университета поручили нам

приветствовать Вас как основателя нашего дорогого университета по случаю его пятилетней годовщины. В этот знаменательный день мы с чувством глубокой радости праздновали победу тех надежд, которыми были проникнуты Вы, его создатель, и которые живут в нас, его созидателях. Пройдя через пути революции и гражданской войны, израненный, но бодрый духом, 1 октября 1921 г. он праздновал свою победу и показал, что он есть и будет научным центром обширного Прикамья и Приуралья и что никакие силы не вырвут его из Перми. Полные бодрости и надежд на великое будущее нашей Alma mater, мы горячо надеемся, что Вы скоро присоединитесь к нам и нашей радостной работе по созданию великого и вечного культурного дела. По поручению профессоров и преподавателей – профессор А. Заварзин, от студентов – Платон Устюжанин»¹. В то время Николаю Васильевичу уже исполнилось 70 лет.

А в 1926 г., в год десятилетия университета, он получил в качестве приветствия от другого не менее замечательного деятеля нашего края Н. Н. Серебренникова «Сборник Пермского губернского земства за 1916 г.», посвященный открытию университета. В приложенном к нему письму Н. Н. Серебрянников благодарил Николая Васильевича «за содействие Пермскому музею льготной перевозкой поступающих в него картин»². Это лишний раз подтверждало, что, даже работая на официальной должности в Москве, Н. В. Мешков старался оказать посильную помощь своей второй родине. Однако тогдашнее руководство университета не сочло нужным пригласить Николая Васильевича на празднование юбилея.

¹ Рабинович Р. И. Указ. соч. С. 108.

² Письмо Н. Н. Серебренникова вклеено перед титульным листом экземпляра «Иллюстрированного сборника Пермского губернского земства. Вып. II.», хранящегося в фондах Пермского краеведческого музея.

Судьба семейного клана

Насыщенная деловая и общественная жизнь не мешала Н. В. Мешкову уделять должное внимание своим семейным делам и заботливо опекать мать и сестер. После смерти в 1899 г. Елены Ивановны основные заботы по содержанию дома легли на плечи Таисии Васильевны. Как уже говорилось в начале нашего повествования, до своего позднего замужества (в 39 лет) она жила в семье брата. Вера Никаноровна не вмешивалась в хозяйственные дела, посвятив себя воспитанию подрастающих девочек. Старшая – Тина (Таисия) – с раннего детства проявляла тягу к живописи и шумным детским играм предпочитала уединенное занятие рисованием. Серьезное увлечение дочери побудило Николая Васильевича во время пребывания в Петербурге показать ее работы известному художнику В. А. Сурикову, который оценил талант юной художницы и принял ее в число своих учеников. Так, в начале 1900-х гг. Тина покинула родительский кров. Петроградский климат губительно повлиял на здоровье хрупкой девушки: она заболела туберкулезом. По настоянию отца, в надежде на исцеление, она вынуждена была почти все время жить за границей – в Италии. И здесь она не расставалась с мольбертом. Часто писала домой и любимой крестной – Таисии Васильевне. Неизлечимая болезнь свела ее в могилу в 1910 г. Семья тяжело пережила эту утрату. Несколько живописных полотен Тины и ее письма до настоящего времени хранятся в семье правнучки Таисии Васильевны Розановой, в Москве.

Младшая дочь – Леля (Елена), пестуемая Верой Никаноровной и Таисией Васильевной, подрастала в окружении двоюродных братьев и сестер – детей Надежды Васильевны Батюшковой.

Муж Надежды Васильевны числился поверенным в делах Н. В. Мешкова в Самаре, получал за это соответствующее вознаграждение, но был человеком пьющим и не мог быть образцом для своих десяти детей. В свою очередь, Надежда Васильевна активно занималась общественной деятельностью в Самаре, где ее благодарно помнят и по сей день. Дети же часто и подолгу гостили в просторном особняке своего дяди в Перми. В 1898 г. эта компания пополнилась пятью детьми И. В. Розанова, пригретыми и обласканными Таисией Васильевной после смерти их матери. Николай Васильевич всецело одобрил этот поступок сестры. По семейному преданию, Николай Васильевич каждое лето нанимал целый поезд, чтобы отправить весь этот выводок на воды в Кисловодск или в Швейцарию. Помимо детей и Таисии Васильевны, в поезде размещались «мамки-няньки», прислуга, кухня, багаж. Когда на станциях шумную компанию детей выводили размяться и погулять, станционные работники думали, что поезд везет какое-то детское учреждение.

В 1904 г., после замужества Таисии Васильевны, семья Розановых обосновалась в Ставрополе, куда был переведен по службе Иван Васильевич Розанов. К этому времени старшему сыну Ивана Васильевича – Николаю – уже исполнилось 18 лет и он оставил родительское гнездо, став студентом медицинского факультета Московского университета. Остальные дети жили под отцовским кровом и по-прежнему нуждались в материнском руководстве и заботливом внимании, которыми окружала их Таисия Васильевна. За эти годы дети прикипели к Таисии Васильевне, а она не могла представить свою дальнейшую жизнь вдали от них.

Переезд в Ставрополь не ослабил родственные связи с Пермью и Самарой. Шли годы. В 1914 г. младшая дочь Николай Васильевича Леля (Елена) вышла замуж за своего двоюродного брата – Василия Николаевича Батюшкова. В 1916 г.

у них родилась дочь Ирина. Николай Васильевич стал счастливым дедушкой как раз в год открытия Пермского университета.

Замужество Елены окончательно разделило судьбы Николая Васильевича и Веры Никаноровны. Николай Васильевич все чаще и все продолжительнее жил в своем московском доме в Козловском переулке у Красных ворот, где вскоре появилась его новая жена – Екатерина Семеновна Бажина. Вера Никаноровна, судя по всему, уехала вместе с дочерью и ее мужем в Самару, где Николай Васильевич купил для нее дом.

Все дети Розановых успешно окончили гимназии и получили высшее образование: стал врачом старший сын Николай Иванович, Евгений и Геннадий стали юристами, Наталия и Галина окончили высшие женские курсы.

После революции никто из членов семьи не покинул Россию, пережив все катаклизмы, сопровождавшие становление новой власти, и понеся невосполнимые утраты. Во время гражданской войны пропал сын Розановых Евгений, затерялась в безвременьи младшая дочь – Галина. В 1930-е гг. были репрессированы и погибли сыновья Надежды Васильевны Батюшковой. Сама она скончалась в начале 1920-х гг., не дожив до этой трагедии. После ареста мужа Елена Николаевна Батюшкова была вынуждена официально развестись с ним, заботясь о том, чтобы его судьба не легла темным пятном на плечи их единственной дочери. Хотя и после этого Ирина Васильевна долго не могла получить высшего образования как «социально чуждая». (Впоследствии она стала геологом, защитила докторскую диссертацию, получила звание профессора, вела активную научную и преподавательскую работу.) Тогда же был репрессирован и погиб младший сын Розановых – Геннадий. Из пятерых детей Розановых остались в живых только двое: старший сын Николай Иванович, ставший известным врачом, и Наталья

Ивановна, после замужества оставшаяся под родительским кровом в Ставрополе, а затем вместе с родителями перебравшаяся в Москву, в дом дяди.

Поэтапно московский дом Мешкова был реквизирован. Ему оставили сначала один этаж, потом – одну комнату, где он жил до последних дней со своей второй женой. Екатерина Семеновна была на 40 лет моложе Николая Васильевича. По свидетельству близких, она была необыкновенной умницей и очень интересным человеком. С ней Николай Васильевич был по-настоящему счастлив. Однако он продолжал поддерживать тесные связи с первой семьей, почтительно относился к Вере Никаноровне, обожал дочь и внучку, материально обеспечивал их. Но старая семья так и не признала Екатерину Семеновну. Официально свои отношения с ней Николай Васильевич оформил только после смерти Веры Никаноровны.

Таисия Васильевна и Иван Васильевич Розановы прожили в мире, счастье и согласии без малого 30 лет. После смерти Ивана Васильевича в 1930 г. Таисия Васильевна продала дом в Ставрополе и вместе со старшей дочерью Натальей Ивановной и маленькой внучкой Лизой, отец которой тоже погиб во время репрессий, окончательно поселилась в Москве, купив комнату в коммунальной квартире. В этой комнате семья перенесла все тяготы предвоенного и военного времени. Здесь же появилась на свет в 1946 г. правнучка Таисии Васильевны – Любовь Павловна Розанова, которая и доныне живет и здравствует в Москве.

Николай Васильевич Мешков скончался от рака 19 июня 1933 г. в Москве и был похоронен на Введенском (Немецком) кладбище, оплаканный всеми своими близкими.

Там же впоследствии нашли свое упокоение все члены большой семьи Мешковых – Батюшковых – Розановых. Таисия Васильевна умерла 14 октября 1955 г., дожив до 91 года

и пережив брата на 22 года. Последней похоронена рядом со своими предками Ирина Васильевна Батюшкова, скончавшаяся в сентябре 1998 г., оставив внука Константина Вячеславовича Батюшкова, следы которого затерялись в перестроечной Москве.

Имя Николая Васильевича Мешкова прочно вписано в историю нашего города: по-прежнему верно служит нашему университету комплекс зданий, выстроенных Н. В. Мешковым на Заимке; на высоком берегу Камы красуется особняк Н. В. Мешкова, который теперь занимает Пермский краевой музей; в цокольном этаже недостроенного Народного дома приобщаются к спорту пермские ребяташки. Вот только до сих пор не исполнено давнее постановление Городской думы о переименовании Набережной улицы в улицу Николая Васильевича Мешкова.

Послесловие

В конце 1996 г. автору этих строк довелось встретиться с внучкой Николая Васильевича Мешкова Ириной Васильевной Батюшковой и его праправнуком Константином Батюшковым. Знакомство состоялось благодаря еще одной замечательной женщине – Наталье Павловне Орловой, вдове академика Юрия Александровича Орлова, научная карьера которого начиналась в нашем университете. Он хорошо знал о деятельности Н. В. Мешкова в пору становления университета и высоко оценивал его вклад. Сама же Наталья Павловна была одной из первых студенток нашего университета и дочерью первооткрывателя прикамского калия, нефти Верхне-Чусовских городков и целебных вод Усть-Качки – профессора Павла Ивановича Преображенского. В 1996 г. ей было 93 года, но, несмотря на многочисленные недуги, она была деятельна, активно занималась научной работой, обладала светлой головой и прекрасной памятью. Наталья Павловна поведала мне о том, что когда Юрий Александрович Орлов был приглашен в 1966 г. на празднование 50-летия Пермского университета, он подготовил доклад, в котором, в частности, ставился вопрос о присвоении университету имени Н. В. Мешкова. Однако в дороге у него случился инфаркт, который не позволил ему доехать до Перми и вскоре свел в могилу.

Наталья Павловна перечислила целый ряд имен ученых, известных сейчас далеко за пределами нашей страны (А. А. Заварзин, Б. Ф. Вериго, М. Ф. Птуха, А. А. Полканов и др.), с которыми до последних дней общался академик Орлов. Все они входили в состав первых преподавателей наше-

го университета. Именно в Перми началась их научная деятельность. И через всю жизнь пронесли они благодарную память о Николае Васильевиче Мешкове, горячо поддерживая идею присвоения его имени Пермскому университету. (Позднее она прислала мне в Пермь записанные ею воспоминания Екатерины Семеновны Бажиной.)

Наталья Павловна сообщила, что она до сих пор общается с внучкой Николая Васильевича – Ириной Васильевной Батюшковой, которая многое может мне рассказать о своем деде и его первой семье. Предупредила, что несколько лет тому назад Ирину Васильевну постигло большое горе: умерла ее единственная дочь Алла. На попечении Ирины Васильевны остался внук Костик, тогда еще школьник. Тут же при мне Наталья Павловны переговорила с Ириной Васильевной, дала мне ее адрес и телефон.

Не откладывая в долгий ящик и предварительно договорившись о встрече, я отправилась к Ирине Васильевне. Дверь мне открыла изящная пожилая дама среднего роста, спортивного телосложения. Запомнились ловко сидящие брючки, просторная теплая вязаная кофта поверх светлой блузки, ворот которой был скреплен старинной брошью с геммой. В то время ей было уже 80 лет. Держалась она прямо, отсутствовала старческая сутулость. В ходе нашего разговора, а потом и переписки, которая длилась более года, вплоть до смерти Ирины Васильевны, я узнала подробности семейной жизни Мешкова, которые нельзя найти в официальных документах. Прощаясь, она подарила мне несколько фотографий и семейную реликвию – экземпляр «Иллюстрированного сборника Пермского губернского земства», изданный к открытию университета, подаренный Николаю Васильевичу Н. Н. Серебренниковым, с личными пометками Мешкова. (Этот бесценный дар несколько позднее был пе-

редан мною в наш краеведческий музей и вошел в его новую экспозицию.) Кроме того, она подсказала мне, что какие-то документы могли сохраниться у Таисии Васильевны Розановой, внучка падчерицы которой – Любовь Павловна Розанова – живет здесь же, в Москве. Много позднее мне удалось встретиться и побеседовать с Любовью Павловной. Подробности этих встреч были опубликованы мной в журнале «Ретроспектива»¹.

¹ Подробнее об этом см.: *Аленчикова Н. Д.* Дар внучки Мешкова // Ретроспектива. 2007. № 4. С. 56–61; Таисия Розанова: судьба женщины со старой фотографии // Там же. 2009. № 4. С. 55–59.

Оглавление

Предисловие	3
Семья	5
Вступление в жизнь. Становление личности	8
Общественная деятельность	19
Борьба Н. В. Мешкова за строительство Народного дома в Перми и создание Общества «Народный дом»	24
Строительство Ночлежного дома	37
История открытия Пермского университета	46
Судьба семейного клана	70
Послесловие	75

Научное издание

Аленчикова Наталия Дмитриевна

ПЕРМСКИЙ ГРАЖДАНИН Н. В. МЕШКОВ

Монография

Редактор *Л. С. Нечаева*
Корректор *С. Л. Рассанова*
Компьютерная верстка *Л. С. Нечаевой*
Дизайн обложки *Т. А. Басовой*
Фото из личного архива автора,
из коллекции Пермского краеведческого музея,
Музея истории Пермского университета;
Алексея Гущина, Тимура Абасова,
Эльвиры Сафиной, Владимира Наговицына

Выпуск издания ИП Соснина И. В.
г. Пермь, ул. Пушкинская, 100

Подписано в печать 22.08.2016. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 4,65+0,93 (вклейка). Тираж 1000 экз. Заказ №107530

Типография: ООО «ПК «АСТЕР»,
г. Пермь, ул. Усольская, 15

